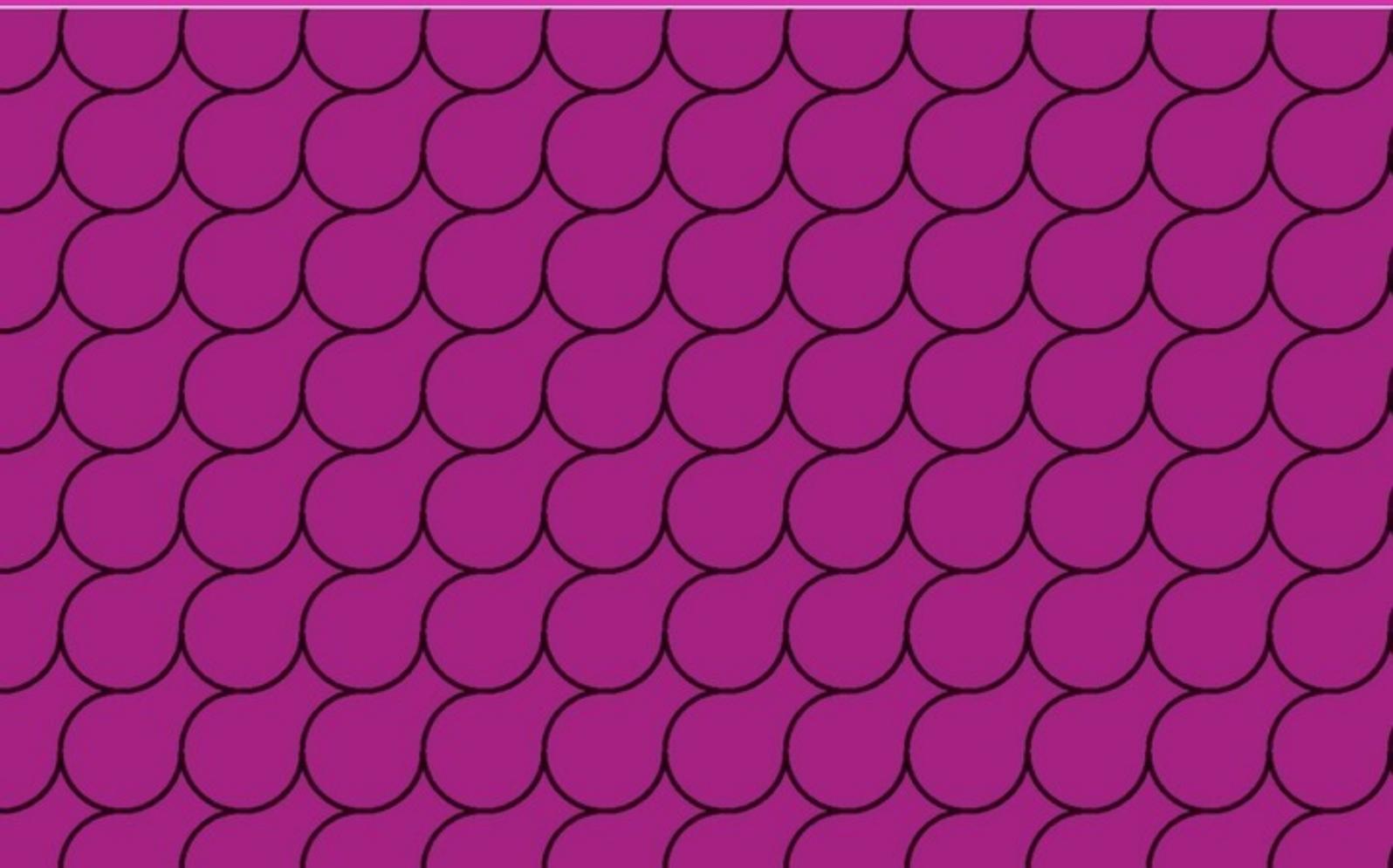

Виктор Хорошулин
Валерий Сергеев

*Хвост ящерицы.
Тайна русского
Кёнигсберга*

Валерий Сергеев

**Хвост ящерицы. Тайна
русского Кёнигсберга**

«Издательские решения»

Сергеев В.

Хвост ящерицы. Тайна русского Кёнигсберга /
В. Сергеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831302-8

Во времена Семилетней войны столица Восточной Пруссии город Кёнигсберг 4 года находился в составе Российской империи. Им руководили генерал-губернаторы, одним из которых был отец великого полководца Василий Суворов. В те времена в Кёнигсберге действовала масонская ложа «Три короны», чья деятельность подчинялась Фридриху Великому. Тайные масонские заговоры велись в том Кёнигсберге, ведутся они и в наше время...

ISBN 978-5-44-831302-8

© Сергеев В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Орден «Чёрного орла»	7
Глава 1. Профессор Альбертины и губернатор Пруссии	8
Глава 2. «Улыбка Люцифера»	14
Глава 3. У Елизаветы Петровны	19
Глава 4. Отец и сын	25
Глава 5. Циркуль и наугольник	31
Глава 6. Охота началась	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Хвост ящерицы. Тайна
русского Кёнигсберга**
Виктор Анатольевич Хорошулин
Валерий Васильевич Сергеев

© Виктор Анатольевич Хорошулин, 2016

© Валерий Васильевич Сергеев, 2016

ISBN 978-5-4483-1302-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В 2004 году на Северном молу города Балтийска открылся историко-культурный комплекс «Елизаветинский форт», центральной фигурой которого стал поражающий своей мощью и великолепием четырнадцатиметровый медный памятник императрице Елизавете Петровне работы скульптора Г. В. Франгуляна. Российская государыня изображена верхом на гарцующем коне, в платье полковника лейб-гвардии Преображенского полка. Её гордый взгляд устремлён навстречу всем ветрам и штормам, вдаль Балтийского моря. Данное изваяние даже выше, чем памятник Петру I в Санкт-Петербурге. Величественный комплекс был сооружён здесь, на самом западе Великой России в ознаменование побед русской армии в Семилетней войне и присоединения Восточной Пруссии к Российской империи. Место для него выбрано не случайно, ведь все корабли, входящие в Калининградский залив и порт, проплывают рядом с этим местом, и Елизавета Петровна своей правой рукой приветствует морские суда и приглашает их в свои владения...

Так о чём хочет нам рассказать медная статуя царицы? Наверное, о том, как в январе 1758 года, русские войска под всеобщее ликование немецкого населения вступили на празднично украшенные улицы Кёнигсберга. После такого триумфа Манифестом императрицы Елизаветы от 6 (19) марта 1758 года российским генерал-губернаторам Восточной Пруссии предписывалось: «среди самой войны пещись сколько можно о благосостоянии невиновных худому своему жребию земель, потому торговлю их и коммерцию не пресекать, но защищать и вспомоществовать». Государыня поведала бы и о том, что после вхождения в Кёнигсберг последовало славное для русского оружия сражение при Кунерсдорфе, взятие Берлина и Кольберга...

Прусский король Фридрих II никогда бы не вышел с честью из сложившейся ситуации, если бы не вступивший на российский престол в декабре 1761 года император Петр III, самовольно вернувший Фридриху все земли, занятые русскими войсками. К этому времени Восточная Пруссия уже почти четыре года была частью России и глубоким тылом русской армии...

Таким образом, два с половиной столетия назад Восточная Пруссия имела все шансы навсегда остаться одной из провинций Российской Империи. И не случилось бы тогда катастрофы 1914 года под Танненбергом, и не пришлось бы нашим солдатам штурмовать здесь укрепленные районы нацистов в 1945-м, потому что сама милитаристская мощь Германии, послужившая причиной двух мировых войн, вряд ли была бы возможна без обладания Восточной Пруссией. Но сколь часто наши правители пускали по ветру плоды русских побед, чтобы потом собирать их по крупицам, вновь оплачивая русской кровью!

Вот о чём нам следует помнить.

Итак, мы отправляемся в Кёнигсберг времён Семилетней войны, когда генерал-губернатором Восточной Пруссии был Василий Иванович Суворов, отец знаменитого полководца. В городе было полно шпионов Фридриха II, действовала масонская ложа, которая подчинялась ложе, руководимой самим прусским королём («Три глобуса»). Как здесь не родиться зловещему заговору? Многие историки, описывая те времена, не могут обойти стороной факт посещения Александром Суворовым масонской ложи «Три короны», и тут же «записали» его в масоны. Правда, потом недоумевали: как мог истинный патриот, глубоко православный человек, «природный русак» опуститься до общества «вольных каменщиков»?

Мы отвечаем и на этот вопрос.

О русском Кёнигсберге и периоде правления губернатора Василия Ивановича Суворова, о «масонстве» Александра Суворова и готовящемся здесь покушении на жизнь императрицы Елизаветы Петровны, а также о планах и масштабах масонства сегодня – наша книга.

Часть I. Орден «Чёрного орла»

(Орден «Чёрного орла» – высший орден Королевства Пруссии. Фридрих II наградил им Петра III за то, что тот предал интересы государства Российского и аннулировал все завоевания русской армии в Семилетней войне)

Глава 1. Профессор Альбертины и губернатор Пруссии

Недобрый январский ветер уныло завывал в трубах домов на северном берегу Прегеля, в районе Кёнигсберга, называемом Альтштадт. Зима, наконец, собралась с силой и устроила настоящий шторм древнего города. Позёмка шипящими белыми змеями струилась по узким улочкам. Печально поскрипывая, раскачивались масляные фонари, птицы попрятались под островерхими крышами зданий, кошки и собаки забились в тёплые закутки дворов. Прегель «надел» ледяные доспехи, поверх которых «накинул» белый рыцарский плащ.

Поздним вечером 15 января 1761 года в дверь дома 7 на улице Хлебных лавок настойчиво постучали. Пожилой слуга профессора Майбаха Петер Вурст испуганно поинтересовался, кого принесла нелёгкая на порог их жилища в столь неурочный час.

– Здесь ли проживает профессор медицины Пауль Майбах? – слышалось в ответ.

Через минуту старый Петер тормозил своего, уже успевшего надеть ночной колпак, господина.

– Герр профессор, к вам русские! Офицер и два солдата!

– Передай, что я сейчас оденусь и спущусь к ним, – ответил Майбах, будучи уверен, что очередной недуг сразил кого-то из представителей новых властей и без его помощи, как обычно, обойтись было невозможно.

Третий год Кёнигсберг находился в руках русских (1), восточная часть королевства Прусского присягнуло на верность Российской империи и имело своего губернатора – ставленника Санкт-Петербурга. Как выяснилось позже, прибывшие военные были как раз от него – Члена Военной коллегии и сенатора – Василия Ивановича Суворова, занявшего губернаторский пост всего полмесяца назад.

Новый губернатор начал своё правление довольно необычно. Он представил всем кёнигсбергским жителям такое зрелище, какого они до того не видывали, и которое всех их премного удивило. А произошло следующее. На второй день принятия Суворовым должности, наступил праздник Богоявления господня, и губернатор решил показать жителям Пруссии всю красоту православного праздника Водоосвящения. По его приказу посреди города, на реке Прегель, напротив острова Кнайпхоф, было выбрано место, которое мог бы созерцать весь собравшийся люд. Там же во льду вырубил и украсил иордань (2), а по всем берегам реки и острова были поставлены войска в парадной форме с распущенными знамёнами. Чуть поодаль иордани расположили пушечную батарею. Все эти приготовления привлекли несметное количество зрителей. Не только улицы и берега реки, но все окна и даже кровли ближайших домов и построек были заполнены восхищёнными горожанами. Крестный ход начался от церкви, находившейся от реки на расстоянии около полумили, и был возглавлен архимандритом в сопровождении иных священнослужителей. Участвовал в шествии и сам губернатор со своими чиновниками, проделавший весь этот неблизкий путь пешком. В момент погружения креста в воду, раздалась пушечная пальба, а затем троекратный беглый огонь из ручного оружия всеми войсками, что произвело на присутствующих неизгладимое впечатление. После же завершения церемонии, губернатор не преминул угостить всех знатных людей города праздничным обедом...

Профессор Пауль Майбах являлся потомственным медиком. Так же, как его отец и дед, он был последователем школы великого Гиппократ и Авиценны. Сам же Пауль служил в кёнигсбергском университете – Альбертине, учил врачебному искусству студентов и успешно занимался практикой. «Не нужно быть важным, важно быть нужным!» – было его жизненным правилом...

О новом губернаторе профессор уже имел некоторые сведения – в Альбертине велись разговоры, как между преподавателями, так и в кругах слушателей – русских офице-

ров-артиллеристов, лекции которым читал приват-доцент Иманнуил Кант. По сравнению с прежним губернатором Кёнигсберга, Николаем Корфом (3), самолюбивым и взбалмошным вельможей, которого с трудом терпели его приближённые, Суворов был добр, внимателен и справедлив. Он избегал излишней пышности, был скромным и крайне трудолюбивым человеком, а вставал так рано, что в два часа пополуночи бывал уже обычно одет и занимался делами. Того же он требовал и от подчинённых. Впрочем, кое-кто поговаривал о его якобы непомерной скупости, но эта черта характера здесь, в Пруссии не считалась пороком. За короткое время новый губернатор навёл порядок на угольных складах, наладил работу дополнительных хлебопекарен в Кёнигсберге, начал ремонт фортификационных сооружений Иерусалимского укрепления, выявил расхитителей овса со складов в Хаберберге. Знарок финансов, крепкий хозяйственник и честнейший человек, Василий Иванович тонко чувствовал и политические веяния. Всей своей деятельностью он старался показать, что Россия пришла в Пруссию всерьёз и надолго. А пруссаков не нужно было приучать к порядку. Им было достаточно только чувствовать крепкую, «железную» руку.

Спускаясь по винтовой лестнице, профессор одной рукой придерживался за натянутый канат, чтобы не упасть, а другой постоянно поправлял парик – волнение всё-таки овладело пожилым человеком. Сойдя вниз, он встретился лицом к лицу с гренадерским обер-офицером в тёмно-зелёном кафтане и епанче, припорошенной снегом. Рядом с русским, держа обеими руками подсвечник, стоял Петер Вурст. Судя по унылому взгляду слуги, старика совершенно не радовал визит вооружённых людей в дом профессора.

– Чем могу быть любезен господину офицеру? – спросил Майбах, пристально всматриваясь в усталое лицо молодого человека с грустными глазами. Тот слегка поклонился.

– Прошу извинить, господин профессор, за столь позднее вторжение, – немецкий язык гостя был безупречен, – но наш губернатор нуждается в вашей помощи.

– Он болен? Какая досада... – Майбах, казалось, был действительно неприятно удивлён недугом русского губернатора. – Петер, подай мою сумку с инструментами. Мне придётся ненадолго прокатиться в Замок. Уверен, я смогу помочь господину Суворову. – Профессор надел шляпу, накинул на плечи тёплый плащ и направился к двери. – Надеюсь, ничего серьёзного с нашим губернатором не произошло?

– Как вам сказать, – туманно ответил офицер. – С одной стороны, действительно, ничего страшного, а с другой – совершенно непонятная ситуация. Впрочем, Василий Иванович вам всё объяснит сам.

Профессор обратил внимание на то, что офицер щеголяет в красных гамашах. Пауль Майбах не знал, что тот служил в Апшеронском полку, которому выдавались гамашаи такого цвета в память о сражении при Кунерсдорфе (4), поскольку полк дрался, «стоя по колено в крови».

...Жгучий морозный воздух ударил в ноздри, а мелкие снежинки тут же облепили лицо профессора. До Королевского замка, ставшего резиденцией губернаторов Пруссии, – рукой подать, но для известного в Кёнигсберге учёного и врача была снаряжена карета. Майбах забрался в неё и с удовольствием отметил, что внутри довольно тепло – в ногах стоял горшок с углями.

Пока ехали к губернатору, профессор подумал о том, как много перемен произошло в его родном Кёнигсберге за последние годы. Всему причиной – война, которую в 1756 году затеяли государства Европы – Пруссия и Англия – с одной стороны, Франция и Австрия, к которым в 1757 году присоединилась Россия, – с другой (5). В январе 1758 года русские войска, не встретив сопротивления, овладели Кёнигсбергом. К тому времени боевые действия переместились далеко на запад. Фридрих II успешно противостоял французским и австрийским армиям, которые решили всю тяжесть кровопролитных сражений возложить на Россию. В 1759 году Фридрих II был наголову разбит при Кунерсдорфе. Путь на Берлин

был открыт, до него оставался небольшой бросок, и война была бы завершена... Но фельд-маршал Салтыков, командовавший русскими войсками, в очередной раз был возмущён бездеятельностью союзников, их непониманием ситуации и нежеланием действовать сообща. «Раз так, – в сердцах воскликнул он, – то дальше воюйте сами!». И увёл свою армию в Восточную Пруссию. Фридрих, потерявший было надежды на спасение и уже мысленно распрощавшийся с короной и жизнью, это спасительное для него решение назвал «Чудом Бранденбургского дома». И воспрял духом. Тем не менее, в 1760 году русским отрядом Берлин был взят, правда, ненадолго. Прусский король сдаваться не собирался. Он вновь отмобилизировал войска, и война продолжилась...

А здесь, в Кёнигсберге, было относительно тихо и спокойно. Город стал частью Российской империи, «оккупанты» чувствовали себя, как дома, да и пруссаки не ощущали себя поработанным народом. Работали рынки, лавки, магазины, порты, ещё более прилежно строились дома и дороги, не прекращались занятия в университете. Пожалуй, при русских жить стало даже привольнее, несмотря на то, что война всё-таки продолжалась. Наблюдая за своими беззаботными студентами, профессор понимал, что их более устраивала русская императрица, покровительствующая наукам и искусству, любящая театры, балы и веселье, чем прусский король, готовый поставить «под ружьё» всё население Европы.

Генерал-губернатор завоёванной части Пруссии, Василий Иванович Суворов и во времена Анны Иоанновны, и в царствование Елизаветы Петровны пользовался при Дворе особым вниманием и расположением. Был он и военным прокурором, вёл также и «гражданские дела», но, при этом, всегда стоял на страже интересов закона и казны.

С началом военных действий за границей Российской империи, Василий Иванович постоянно находился при русской армии. Императрица поручала Суворову проведение крупных денежных операций и относилась к нему с большим доверием. В июне 1760 года он был пожалован орденом св. Александра Невского, а в августе был назначен сенатором и должен был приехать в Санкт-Петербург, однако через месяц после высочайшего назначения вышел указ о его «невывозе из армии». Наконец, в декабре Суворов получил новое задание: «Отзывая нашего генерал-поручика Корфа из Пруссии, – говорила Елизавета Петровна в своём новом указе, – Всевысочайше восхотели мы определить вас на его место точно на таком же основании и с таким же жалованием, какое он получал. Почему и имеете вы немедленно в Кёнигсберг ехать и его сменить, а мы уверены пребываем, что вы и в сем новом poste с той же ревностью службу нашу продолжать станете, о которой мы всегда оказывали вам наше удовольствие и благоволение...»

– Ваше превосходительство, профессор Майбах доставлен по вашему приказу!

– Спасибо, Фёдор Кузьмич, – по-граждански поблагодарил обер-офицера Суворов, поднимаясь с кресла. – Извините меня, уважаемый профессор, – развёл руками генерал-губернатор, – что позволил себе пригласить вас в свои апартаменты в столь неурочный час...

Василий Иванович превосходно говорил по-немецки.

– Мы – врачи, – ответил, поклонившись Майбах. – И привыкли оказывать медицинское пособие в любое время. Дабы облегчить участь страждущего...

Так близко генерал-губернатора профессору ещё не приходилось видеть. Нестарый человек, лет пятидесяти пяти... Усталое овальное лицо с отпечатком боли и отчаяния, выразительные глаза, прямой нос, высокий, чуть выпуклый лоб, покрытый бисером пота... «Лихорадка?» – сделал первое предположение врач. Но, весь вид генерал-губернатора говорил о том, что его что-то гнетёт... Одет Суворов был в военный кафтан, поверх которого он накинул шинель для нижних чинов. В русской армии уже появилась эта новая форма

одежды, взятая, как пример, из прусской армии. Однако в помещении было достаточно тепло, и шло оно, похоже, от подогреваемого пола. Впервые такая новинка в Королевском замке появилась ещё при герцоге Альбрехте (6).

– Прошу вас, – генерал-губернатор сделал приглашающий жест к столу. – Я распорядился приготовить для вас, профессор небольшое... *régalade* (7). Вам, привыкшим во многом отказывать себе, особенно во время войны, надеюсь, не помешает необременительный для желудка ужин?

– Простите, ваше превосходительство, – учтиво произнёс профессор Майбах. – Но я прежде всего ожидал увидеть здесь больного человека, которому необходимо моё искусство...

– Вы и видите его, профессор. Только услуга мне требуется не совсем медицинского характера. То есть, не столько медицинская, сколь... Впрочем, я вам всё сейчас объясню. А вы уж, не откажитесь отужинать со мной. Рекомендую начать с зайчатины...

– ...Поверьте мне, дорогой профессор, – произнёс Суворов после получаса спокойной трапезы, – что я не стал бы отрывать вас от ваших дел, если бы меня беспокоила... банальная мигрень. У нас тоже есть доктора, и они своё дело, я полагаю, знают.

– Но я уверен, что вас что-то серьёзно мучает, – осмелился возразить губернатору Майбах. – У вас – нездоровый цвет лица, хотя, отчасти тут играет роль неважное освещение... Обильная испарина... Ощущаете ли вы боли в области груди или живота? Насколько хорош ваш сон?..

– Вообще-то, я здоровый человек и все недуги до недавнего времени счастливо обходили меня стороной, – улыбнулся генерал-губернатор, видя, с каким удовольствием профессор Майбах отрезает себе кусок ветчины. – По делам службы мне доводилось часто ездить. Я побывал во многих областях России, даже в Сибири. И всюду чувствовал себя вполне сносно. Но здесь, на меня словно навалилось... нечто невообразимое... Боли здесь, – он указал на брови, – и здесь, – он потёр ладонью скулы. – Боли в груди и плечах, в низу живота и в спине, которые появляются ночью и проходят к утру... Но это не столь важно, – тут он нахмурился и замолк.

Профессор прекратил жевать, всем своим видом показывая, что он внимательно слушает собеседника.

– У меня стали появляться видения, – тихо промолвил Суворов, – словно нехотя выдавливая из себя каждое слово. – Причём, я вижу их настолько явственно, что начал думать, уж не схожу ли с ума? Поэтому, будучи наслышан о вас, дорогой профессор, как о человеке, сведущем не только в обычных хворях, но и тех, которые можно отнести к... непонятным, необычным и вызванным душевными расстройствами, я решил попросить помочь мне преодолеть эту болезнь.

Говоря это, генерал выглядел совсем растерян и даже испуганно.

Несколько минут Майбах молчал, сосредоточенно разглядывая висящие на стенах картины итальянских мастеров, стоящие на столике рядом статуэтки Пресвятой Девы Марии и апостолов, на доспехи и оружие, развешенное на фламандских гобеленах...

– Боли, – наконец, ответил Майбах, – можно унять... а вот видения... И когда это у вас началось?

– Совсем недавно, – ответил Василий Иванович. – Не более недели назад. Сначала наступают боли, они постепенно перемещаются по всему моему телу сверху вниз... А следом... Приходят тревожные, словно чужие, мысли... Это сложно объяснить, и ещё труднее пережить... Иногда мне кажется, что я должен лечь и уснуть... Надолго... На годы. А может, и до конца своих дней... Затем, я начинаю замечать, как оживают вот эти статуэтки, – он кивнул на фигурки Девы Марии и апостолов, – и раскачиваются деревья на картинах и гобе-

ленах... Они словно шепчут, что всё закончится лишь тогда, когда я покину свой пост. Я стал бояться приближения ночи, своих покоев и этих мыслей...

Профессор слушал и молча покачивал головой.

– Захар! – позвал Суворов денщика. – Поддай-ка нам чаю, голубчик!

– Сию минуту, ваше превосходительство. Самовар уже готов!

– И это происходит каждый божий день, вернее – ночь, – дрогнувшим голосом закончил генерал-губернатор. – Я вижу, вы задумались. Уж не считаете ли вы, что я действительно схожу с ума? Или это такой недуг, о котором мы просто не знаем? Можно ли его вылечить?

– Прошу вас успокоиться, ваше высокопревосходительство, – промолвил пожилой доктор, исследовав пульс губернатора. – Я уверен, что вы находитесь в полном рассудке и... в добром здравии. Но есть одна серьёзная проблема, имя которой – страх... Но страх непростой, поскольку он навеян извне.

Услышав такое обидное для офицера слово, генерал грозно вскинул брови.

– Возможно, то, что я сейчас вам говорю, весьма неприятно, господин губернатор, – спокойно продолжал Майбах, – но никто вам этого не скажет, кроме меня. Страх – самое сильное человеческое чувство и он, действительно, может довести человека до безумства. Насколько прочно за столь короткое время он укоренился в вас, говорят и ваши боли. Например, плечи символизируют у человека силу, а также ответственность, поэтому здесь селится страх показаться слабым... В груди гнездится страх потери близких, а в животе появляется страх в ситуациях угрозы для жизни, недаром они слова одного корня... Но ваши страхи – всего лишь следствие. Всё, что вы мне описали, очень похоже на... колдовство или сглаз. У нас, в Кёнигсберге за мастерами насылают такие, как вы изволили выразиться, «хворобы», с фонарями и собаками бегать не надо. У нас тут родились целые поколения магов и чернокнижников, за которыми нужно приглядывать очень строго... Если вы не будете возражать, я бы хотел осмотреть ваше... платье... Ту одежду, в которой вы обычно появляетесь на приёмах...

– Захар! – вновь обратился Суворов к денщику, который водрузил на стол пузатый блестящий самовар. – Принеси мой парадный мундир.

И, обращаясь к Майбаху, с грустной улыбкой изрёк:

– Я давно понял, уважаемый профессор, что получаю, пожалуй, больше полезных уроков от тех людей, которые со мной не согласны и готовы спорить, пробуждая тем мою собственную мысль, чем от единомышленников или подхалимов...

Что-то изменилось в глазах генерал-губернатора. Теперь он уже не выглядел таким потеряннным, каким казался в начале разговора. Стараясь развить свой «врачебный успех», профессор продолжил:

– Вы – слишком заметная и значимая фигура в Пруссии, ваше высокопревосходительство. А у таких людей достаточно много недругов. Да взять бы к примеру... короля Фридриха... Сейчас он пойдёт на любые ухищрения, чтобы избежать поражения в войне...

– Вы думаете, что он собирается привлечь на свою сторону чернокнижников?

– Я убеждён в этом, ваше высокопревосходительство. К тому же сам Фридрих является масоном. А эта организация не гнушается ничем... Впрочем, сейчас мы в этом убедимся.

Захар принёс чистый, выглаженный мундир генерал-губернатора. На нём, кроме иных наград, красовался орден св. Александра Невского.

– Вы позволите мне осмотреть его? – ещё раз спросил Майбах.

– Конечно, дорогой профессор. Но что вы собираетесь найти?

Кафтан генерал-губернатора не отличался особой роскошью. Да, дорогое сукно и хороший покрой. По краям и по борту он обшит золотым галуном, пуговицы были тоже золочёные. Они весело поблёскивали в свете свечей.

– Обычно, в кафтан, в самое укромное место втыкают булавку, – пробормотал профессор, тщательно ощупывая дорогое сукно.

– Посмотрите в обшлагах рукавов, – посоветовал Суворов, внимательно наблюдая за действиями Майбаха.

С нескрываемым интересом, раскрыв рот, за каждым его движением следил и денщик генерал-губернатора.

– Захар, разливай чай...

– Вот! – наконец, воскликнул профессор, демонстрируя Суворову и его денщику длинную блестящую шпильку с шестиконечной звёздочкой на конце.

– Ах, *quelle mauvaise surprise* (8)! – встrepенулся губернатор.

– Дьявольская, прости господи, штукавина, – перекрестился Захар, с испугом глядя на безобидный с виду предмет.

– Вы считаете, что это и есть причина моих... страданий? – усмехнулся Василий Иванович.

– Убеждён, ваше высокопревосходительство. Видите, на конце шпильки имеется шестиконечная звезда? Это – масонский символ. В вашем окружении имеются масоны? Я слышал, что в русской армии тоже есть члены этой ложи...

Суворов был вынужден признать, что он лично знает нескольких офицеров гвардии, которые являются масонами. Но вслух он ничего не сказал. Однако было крайне неприятно сознавать, что в числе окружающих тебя людей, среди высоких чиновников или блестящих офицеров таится жестокий и беспощадный враг.

– Ну вот, ваше высокопревосходительство, я свой долг выполнил, – торжественно произнёс и поклонился профессор Майбах. – Надеюсь, что вы скоро забудете о терзавших вас кошмарах.

– Сам бог послал мне вас, дорогой профессор, – воскликнул Василий Иванович и обнял врача. – Захар, наливочки нам! Вишнёвой! И непременно – ветчины!

– Не стоит благодарности, – улыбнулся профессор. – Вы бы, ваше высокопревосходительство, посетили наш университет! Нашу Альбертину... Я там покажу вам кое-что интересное...

Глава 2. «Улыбка Люцифера»

«Пресветлейшая, всеильная Государыня, Самодержица всея Руси, всемилостивейшая Государыня и великая жена! Вследствие смерти покойного доктора и профессора Кипке, должность *Professioordinario* логики и метафизики, которую он занимал в здешнем Кёнигсбергском университете, стала вакантною. Эти науки всегда составляли главнейший предмет моих занятий. В продолжение тех лет, что я находился в здешнем университете, я каждый семестр читал обе эти науки на частных уроках. Я имел в этих науках две публичные *dissertationes* и, кроме того, стремился ознакомить своих коллег с результатами моих работ в четырёх статьях, помещенных в кёнигсбергском учёном сочинении (*Intelligenzwerk*), в трёх программах и трёх других философских *tractata*. Надежда, с которой я льщу себя посвятить службе Академии наук, а главным образом всемилостивейшее желание Вашего Императорского Величества оказывать наукам высокое покровительство и поддержку, побуждают меня всеподданнейше просить Ваше Императорское Величество пожаловать мне освободившуюся *professionemordinariam*, и надеюсь, что *senatusacademicus*, ввиду обладания мною необходимыми способностями, сопроводит мое всеподданнейшее прошение благоприятными свидетельствами. Я уверяю в моей глубочайшей *devotion* (преданности) Вашему Императорскому Величеству, всеподданнейший раб, Иммануил Кант. Кенигсберг, 14 декабря 1758 г.»

– Два года назад известный всей Европе Иммануил Кант попросил нашу государыню о предоставлении ему вакантного места профессора логики и метафизики в Альбертине, – произнёс профессор Майбах.

Губернатор Суворов по приглашению врача и учёного нанёс визит в кёнигсбергский университет для того, чтобы лично познакомиться с профессурой и обстановкой, царящей внутри знаменитого учебного учреждения, а также с хозяйственными и финансовыми проблемами последнего. Однако, в связи с неофициальностью пребывания генерал-губернатора в Альбертине, никакого эскорта вблизи него не было, и излишнего ажиотажа вокруг высочайшей персоны не возникло. Профессор Майбах сопровождал Суворова, показывая ему всё, вплоть до помещений студенческой ночлежки. Сейчас они следовали из кабинета ректора, в котором оставили озадаченного Эрнста Бирона составлять прошение на финансирование университета в текущем году.

– ...Хотя, – продолжал учёный доктор, – за три года до этого он клялся в признательности и любви к «всемогущему королю и повелителю» Фридриху II.

– Что ж, – усмехнулся Суворов, – это так свойственно философам – созерцать мир, анализировать факты и вникать в суть вещей, а затем... всё пересматривать, подвергать свою точку зрения сомнению и вовремя переходить на другие позиции.

– Пожалуй, – согласился с ним Майбах, – в этом и заключается настоящая мудрость.

– И что же, получил Кант эту должность?

– Увы. Его прошение попало к губернатору Корфу, вашему предшественнику... А в его канцелярии, насколько мне известно, было много хватких и знающих людей – секретарей, писарей, копиистов... только хорошего переводчика не было... А сам губернатор, по-русски, извините... изъяснялся с трудом. Понимать – понимал, но не писал... Вы, ваше высокопревосходительство, не удивляйтесь, что мы осведомлены о таких... деликатных деталях, но правду не скроешь... Переводил ему некий поручик Болотов, весьма любознательный юноша, симпатизирующий философским воззрениям, царящими в нашем университете...

Генерал-поручик Корф... Суворов вспомнил, с какой радостью встречали его, нового губернатора, офицеры, и как сдержанно отзывались они о его предшественнике. Вспоминали и шумные, пышные торжества, которые так любил организовывать Корф, его извест-

ную на весь город любовную связь с графиней фон Кейзерлинг, в честь которой российский генерал-губернатор Пруссии не пропускал случаев задать бал или устроить маскарад. Николай Корф был из прибалтийских немцев. Он не отличался благожелательностью к русским, имел крутой нрав, часто и непомерно бранил подчинённых, невзирая на их чины и заслуги. В ответ он не снискал себе ни любви, ни уважения, а одну лишь неприязнь.

– Андрей Болотов... Я знаю сего достойного молодого человека, – кивнул Василий Иванович. – Что же, он разделяет взгляды Канта?

– Напротив, сей офицер посещает лекции кантовского оппонента, Вейманна. А кроме университетских лекций почти ежедневно берёт у него частные уроки. Я не знаю, приложил ли поручик свою руку к прошению Канта..., но оно так и осталось без ответа.

– Кто же занимает эту должность сейчас?

– Профессор Фридрих Иоганн Бук, ваше высокопревосходительство.

– Так вы что, господин профессор, подозреваете нашего офицера в том, что он мог... отложить в «долгий ящик» прошение Иммануила Канта к нашей императрице о предоставлении ему должности профессора?

– Ни в коем случае, ваше высокопревосходительство, – поспешил с ответом Майбах. – Поручик Болотов вызывает самые добрые чувства. Ведь это именно он привёл в наш университет группу своих сослуживцев в качестве вольнослушателей! К тому же, я уверен, что он весьма далёк от наших университетских дрызг... Кстати, – указал взглядом в направлении вышедшего из аудитории худощавого человека невысокого роста, профессор Майбах, – это и есть Иммануил Кант. Ни на секунду не отступает от заведенного им много лет назад строгого распорядка. Студенты по нему сверяют свои часы. Говорят, что он подчинил себе время! – добавил учёный шёпотом.

– Надо будет непременно с ним познакомиться, – проговорил Суворов, провожая взглядом известного философа. – Кто знает, возможно, в конце жизни я с гордостью скажу своим внукам, что беседовал с самим Кантом...

– Обязательно, ваше высокопревосходительство. А ещё я бы вам порекомендовал ближе познакомиться с медицинским персоналом нашего университета. Например, с Анджеем Орловским. В этом году он, надеюсь, станет доктором медицины.

– О-о, – рассмеялся Суворов, – перед медиками Альбертины я теперь в неоплатном долгу!

– А сейчас, ваше высокопревосходительство, я покажу вам нашу гордость – университетскую библиотеку! Точнее, не саму библиотеку, для её осмотра нам понадобился бы целый день, а небольшой архив. По хранящимся в нём ценностям вы сможете судить о великолепии и самой библиотеки! Но для этого нам потребуется спуститься в подвальное помещение... Прощу вас...

Кёнигсбергский университет располагался на острове Кнайпхоф, на северо-восточной его окраине. «Пора расширять академию, – подумал Пауль Майбах, – старое здание Альбертины уже не вмещает такого количества студентов, которое, кстати, давно перевалило за тысячу»...

Крутая лестница вела вниз. Не без труда преодолев высокие ступени, профессор Майбах и губернатор Восточной Пруссии оказались перед окованной железом дверью. Толкнув её, учёный вошёл в просторное помещение, доверху заставленное стеллажами с книгами. В центре находился широкий стол, за которым сидел пожилой служащий архива кёнигсбергской библиотеки. Возле его правой руки находились пенал с перьями и чернильница. В лежащую перед сиденьем архивариусом толстую книгу тот старательно вносил какие-то записи.

– Приветствую тебя, дружище Герхард! – весело поздоровался со служащим профессор Майбах. – Как твои почки, больше не беспокоят тебя?

– Иногда пошаливают, господин профессор, – оторвавшись от работы и почтительно встав со своего места, промолвил архивариус. – Особенно при смене погоды... Но, как говорится, жизнь жалуется тем, кто на нее не жалуется.

– А надо меньше пить альпштадское пиво, дружище! Подай-ка мне, Герхард, ту самую книгу, которую я просил тебя запрягать подальше и никому не показывать!

– Вы о том старинном фолианте, господин профессор? Сейчас принесу... А насчёт пива, то я хорошо помню ваше предостережение... Да разве ж откажешься? Иной раз, и не захочешь, а вольёшь в себя кружку-другую... – Старик вышел из-за стола и, слегка прихрамывая, направился в дальний угол комнаты.

– М-да, впечатляет, – произнёс Суворов, оглядев книжные полки, аккуратно заставленные различной толщины фолиантами.

– Вы знаете, что меня удивило, ваше высокопревосходительство? – спросил Майбах, искоса поглядывая на генерал-губернатора. – Когда русские войска вошли в Кёнигсберг.

– Что же? Численность? Бравый вид гренадёров и драгун?

– И это тоже... Впрочем, – улыбнулся профессор, – подобное любопытство захватило не только меня – тысячи горожан лезли на крыши и едва держались на карнизах и кровлях... Граф Фермор (9) тогда вошёл через Королевские ворота и следовал по Кёнигштрассе... Стройные ряды солдат и офицеров, все подтянутые, уверенные в себе... Хотя, мы поначалу опасались... казаков и этих... – Майбах задумался, – ...калмыков... Иначе говоря, варварских орд из России, которые несут смерть европейской цивилизации и науке... А некоторые горожане со страхом наблюдали, как русские квартирмейстеры рыскают по районам Росгартена, Юдиттена, Закхайма в поисках жилья для офицеров...

– Так что же вас удивило, дорогой профессор? – усмехнулся Суворов.

– То, что русские офицеры бросились покупать книги! Конечно, кое-кто не миновал наших кёнигсбергских увеселительных заведений, но нас потрясла тяга к знаниям других, к самосовершенствованию... Тот же поручик Болотов, например, накупил целую сумку философских книг у моего знакомого торговца Кухе... А потом привёл своих товарищей к нам в университет! А в России есть университеты, ваше высокопревосходительство?

– Да, дорогой профессор. В Санкт-Петербурге действует Академический университет, в Москве – Императорский (10)...

– Вот видите... Я уверен, что приди к нам любая другая армия, например, французская или австрийская, господа офицеры не побежали бы покупать книги, а начали грабить лавки и насиловать женщин. Значит, Кёнигсберг открыл свои ворота не ордам варваров, как сейчас многие считают в Европе, но цивилизованной империи с сильнейшей в мире армией! Поэтому мы не испытываем ненависти к русским, радушно принимаем их в своих домах и по доброй воле приняли присягу на верность русской императрице.

– Вы правы, профессор, но, боюсь, что спустя какое-то время, наши враги станут вновь распускать слухи и о варварах, и о калмыках, и о загубленной культуре Пруссии...

– Вот, – наконец, появился архивариус с толстой книгой в кожаном переплёте. Он положил фолиант на стол, достал кисточку из конских волос и тщательно смахнул с обложки многолетнюю пыль.

– Вот то, что я собирался вам показать, ваше высокопревосходительство, – шёпотом произнёс профессор Майбах. – На эту книгу я наткнулся совершенно случайно, но, просмотрев её, понял, что этот фолиант нужно держать под семью замками!

– Отчего же?

– Взгляните на название.

– «Улыбка Люцифера», – прочитал Суворов. – Что это?

– Это книга о масонской магии. Её написали известные алхимики и астрологи. Все они – масоны. Вы видите, среди авторов имена Рене Декарта, Тихо Браге, Исаака Ньютона, Баруха Спинозы, Элиаса Эшмола, Джона Ди...

– И что?

– Возьмите её, ваше высокопревосходительство. Изучите. Здесь описаны тайные ритуалы масонов, способы проникновения в масонские ложи и пути продвижения по ступеням к высшему пьедесталу. Раз вами заинтересовались масоны, у вас самих в руках должны быть ключи к этой организации! Своего врага следует хорошо узнать.

– Господин профессор, – подал голос педантичный архивариус Герхард. – Если вы намерены забрать эту книгу с собой, извольте отметить в моём гроссбухе!

Вечером того же дня, поужинав и отдохнув в своей резиденции, Василий Иванович принялся писать отчёт императрице Елизавете Петровне. Так уж было у него заведено. В отчёте, среди прочих сведений, касающихся преимущественно хозяйственной деятельности, губернатор уделил большое внимание кёнигсбергскому университету. Он написал о том, как устроена Альбертина, что за науки в ней преподаются, какие учёные и по каким направлениям ведут в ней свои исследования. Парой слов обмолвился он о делах студентов, прибывших на обучение из России. Не забыл Василий Иванович упомянуть о прошении, которое подавал на Её Августейшее имя известный философ Иммануил Кант, и о том, что оно так и не дошло до адресата.

Потом задумался. Можно было бы найти место Канту и в одном из российских университетов. Раз хочет быть профессором, то пусть им станет... По его мнению, это бы подняло престиж российской науки...

– Захар, – позвал Суворов денщика. – Сделай-ка чаю, голубчик. Но сначала помоги мне снять кафтан... Да осмотри его, не ровен час, опять что-нибудь подсунули, черти...

Рядом на столе лежала та самая книга, которую рекомендовал ему профессор Майбах. Губернатору не терпелось полистать её. Но сначала нужно отписаться императрице.

А тут распахнулись двери.

– Ваше высокопревосходительство, – доложил адъютант генерал-губернатора поручик Иван Хитрово. – К вам – гонец из Санкт-Петербурга!

– От императрицы? – оживился генерал.

– Никак нет, ваше высокопревосходительство. От его сиятельства графа Шувалова.

– Зови.

Через минуту он уже вскрывал пакет, который гонцу строжайше было велено передать адресату лично в руки.

«Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Василий Иванович, – писал глава Тайной Канцелярии Российской империи. – Очень надеюсь, что пребываете вы в Кёнигсберге в добром здравии и с честью выполняете все поручения нашей матушки, Пресветлейшей императрицы Елизаветы Петровны...»

«Ах, Александр Иванович, – подумал Суворов. – Всё-то вы о государственных делах печётесь...»

Граф Шувалов – действительный камергер, начальник канцелярии тайных розыскных дел, лейб-компания поручик, генерал-аншеф, сенатор, член конференции... Придя на смену Ушакову (11), он действовал теми же методами, что и его предшественник, наводя «ужас и страх на всю Россию» (12). Кому ещё, как не ему, начальнику Тайной Канцелярии, заботиться о безопасности Империи и лично государыни?

«Александр Шувалов не сам по себе, а по должности, которую занимал, был грозой всего Двора, города и всей Империи; он был начальником инквизиционного суда, который

звали тогда Тайной Канцелярией. Его деятельность вызвала у него, как говорили, род судорожного движения, которое делалось на всей правой стороне лица, от глаза до подбородка, всякий раз, как он был взволнован радостью, гневом, страхом или боязнью», – писала о нём великая княгиня Екатерина.

Положение графа Шувалова при Дворе было крепким. Оно ещё более усилилось в 1749 году, когда фаворитом императрицы стал двоюродный брат Александра Ивановича – Иван Иванович Шувалов. К тому же, к нему благоволил и сам наследник Пётр Фёдорович.

Граф сообщал, что учинил дознание и сыск по делу о тайных масонских ложах. «Сии ложи учредились и в Москве, и в Санкт-Петербурге. Они вовлекают в себя умных и образованных людей, дабы те нашли в масонстве своих тайных покровителей и руководителей, кои впоследствии будут диктовать свою волю этим людям, заимевшим к тому времени высокие посты в армии и при Дворе...»

Да, самым скверным было то, что среди этих «умных и образованных людей» состояло немало офицеров! Но то, о чём дальше сообщал ему Шувалов, было ещё более неожиданным и страшным!

«Король Фридрих, претерпевший несколько крупных конфузий от нашей армии и пребывающий оттого не столь в унынии, сколь во гневе и ярости, задумал вывести Россию из войны, замыслив злодейство против нашей Пресветлейшей императрицы. Он решил, что, буде, Елизавета Петровна умрёт, то на престол взойдёт Пётр III, с коим ему, Фридриху, станет стовориться куда сподручнее...»

Далее Шувалов писал, что масоны, к коим принадлежал и король Пруссии Фридрих II, задумали убить императрицу. С этой целью в масонскую ложу города Кёнигсберга «Три короны» прибыл тайный посланец, масон, маг и колдун, способный умертвить человека без помощи ножа или яда.

«Найдите достойного и надёжного человека, – закончил своё послание граф, – и тайно внедрите его в ложу сию. Пусть он обнаружит злодея, а тот, коли поедет в Санкт-Петербург, уж будет находиться под нашим неусыпным оком».

Суворов снял парик и только сейчас ощутил, как сильно вспотел. Книга под названием «Улыбка Люцифера» лежала перед ним, чужая, холодная и мрачная. Больших усилий стоило Суворову не сбросить её на пол.

«Так вот, значит, что... – подумал генерал-губернатор. – Стало быть, опасность угрожает нашей императрице. И исходит она отсюда, из Кёнигсберга... Из какой-то масонской ложи... Уничтожить сие осиное гнездо!...» Но, поразмыслив, решил, что разгром масонской ложи в центре Европы, где этих лож – как пескарей в Москве-реке, грозит нешуточным скандалом. А пока ещё идёт война... Тут можно не только лишиться союзников, но и настроить их против себя... Нет, тут следует действовать деликатнее... Прав граф Шувалов, надо разыскать злодея, запомнить его имя и лицо, а уж там, вблизи императрицы, всегда найдётся способ обезопасить её от козней Фридриха. А хорошо бы свернуть шею этому тайному посланцу ещё на пути в Санкт-Петербург...

– Неси чаю, Захар!

Но кого же откомандировать в эту чёртову ложу? Вокруг – достаточно преданных офицеров, прошедших огонь и воду, но не каждого пошлешь... Тут мало одной храбрости и отваги, тут нужен тонкий ум и сметливость... Болотов? Нет, тот слишком уж философ. А здесь нужен не только храбрый и решительный человек, даже не тот, кто может трезво рассчитывать ситуацию и мгновенно принимать правильные, обдуманые решения... Тут нужен человек, обладающий интуицией, который может предвидеть развитие событий... Кто же он? Где и как его найти?

Глава 3. У Елизаветы Петровны

Поздней осенью 1760 года, когда в порт прибыл очередной корабль из Франции, первой, кого оповестили об этом событии, как всегда, оказалась императрица. Она тут же послала на борт судна своих приближённых, чтобы придворные модницы (в первую очередь, госпожа Нарышкина, а во-вторую – госпожа Румянцева) не успели перехватить великолепные парижские ткани или косметику. К её удивлению, посыльные привели с собой немолодого, но весьма привлекательного француза, который, галантно поклонившись, доложил, что привёз большое количество мануфактуры для столичных красавиц. Имея рекомендации от известных поставщиков подобной продукции ко Двору Её Величества, он осмелился предстать перед Нею лично и предложить свои скромные услуги. С французским ювелиром и галантерейщиком следовал целый воз багажа. В сложенных тюках, помимо всего прочего, имелись лёгкие, пушистые парики, отличные тени для глаз и краски для волос, причём, много светлых с различными оттенками. Но, самое главное – француз привёз с собой ювелирные украшения.

Императрица разрешила поселиться месье Боку у неё во флигеле в Царском Селе, но при условии – никакой торговли временно не открывать.

– Сначала я сама присмотрю себе что-нибудь по вкусу, – добавила она, кокетливо улыбаясь. – А затем пусть выбирают другие...

– В свете вашей *beauté et charme* (13), – ответил француз по-русски, но с заметным акцентом, – любая из моих безделушек меркнет. Но, я надеюсь, что они воссияют в лучах красоты Вашего Величества! – И поклонился.

Елизавета Петровна милостиво улыбнулась. Она сама знала, что недурно выглядит.

– Я поставлю в известность о вашем прибытии посла Франции в России барона де Бретея.

Наряды императрица любила. Одних платьев у неё было более десяти тысяч, и каждое новое сидело на ней как нельзя лучше. На ювелирные украшения и красивые ткани дочь Петра смотрела с нескрываемым восхищением. А к драгоценностям Елизавета относилась трепетно.

Однако, не только гардероб, косметика и золотые безделушки интересовали императрицу. Её слово в европейской политике имело существенный вес и многие события, происходящие в России, так или иначе отзывались потом в Европе. Будучи настойчивой и бесстрашной женщиной, она привыкла добиваться успеха, преодолевая любые препятствия.

Военная кампания 1760 года не принесла сколько-нибудь существенных результатов. Берлин побывал в руках русских (правда, недолго), «Старый Фриц», как во всей Европе называли Фридриха II, был занят поисками денег на комплектование своей армии, численность которой за последние два года значительно сократилась. Русские войска перешли на «зимние квартиры». Казалось, ещё немного – и европейская бойня, названная впоследствии Семилетней войной, закончится. К слову – она уже надоела всем «до чёртиков».

При Дворе Её Величества тоже не всё было гладко. Россия, как и другие державы, изрядно поиздержалась за военную кампанию. Экс-канцлер Бестужев, после инцидента в августе 1757 года, провёл под арестом 14 месяцев и в апреле 1759 года был сослан в своё имение Горетово. А дело заключалось в следующем. 8 августа 1757 года Елизавете стало дурно в церкви в Царском Селе. Был праздник Рождества Богородицы. Внезапно императрица начала задыхаться. Выйдя из храма, чтобы подышать свежим воздухом, она сделала несколько шагов и рухнула на землю, потеряв сознание. Прибывший врач пустил ей кровь, но в сознание так и не привёл. Некоторое время никто не знал, что с императрицей. Ходили слухи, что она пришла в сознание, но помутилась рассудком. В те времена к внезапной смене

власти нужно было быть готовым. Вот и Бестужев начал действовать заблаговременно. Он послал гонца к командующему русской армией фельдмаршалу Апраксину с требованием вернуться в Санкт-Петербург. К тому же он тайно встретился с великой княгиней Екатериной и обсудил с ней сложившуюся ситуацию... Но Елизавета выздоровела, весть о том, что армия, вместо того, чтобы идти к Кёнигсбергу, повернула обратно, была встречена ею с негодованием. Над Бестужевым сгустились тучи. Всё, казалось бы, было ясно: императрица находилась при смерти, готовилась смена престола, канцлер позаботился о том, чтобы армия была рядом, а великая княгиня уже получила его инструкции... Всё это в целом вполне тянуло на смертную казнь. Но, порочащие его бумаги Бестужев успел уничтожить и версия о государственной измене не подтвердилась. Поэтому экс-канцлер так легко и отделался.

Итак, талантливый и опытный государственный деятель А. П. Бестужева-Рюмина, сейчас при Дворе не было. Теперь финансовыми делами занимался граф Воронцов. Но политическая стабильность в России, наступившая с приходом Елизаветы Петровны на престол, благотворно влияла на экономическое развитие страны и облегчала ситуацию.

Другой, не менее важный вопрос – о престолонаследии. Дочь Петра боялась смерти и старалась не думать о ней. Но она являлась государственным деятелем и должна была позаботиться о том, кому достанется престол после её кончины. Своего племянника Петра Фёдоровича императрица в качестве преемника не рассматривала. Напрасно она надеялась, что с годами он «поживёт, да выправится». Он так и остался взбалмошным, глупым мальчишкой, любителем злых, вздорных шуток, деревянных солдатиков и имеющим Фридриха в кумирах. Великий князь так и не научился чисто говорить по-русски, не раз высказывал своё недовольствие: «Зачем вы привезли меня в эту грязную Россию?» и открыто грозил расправиться со своей супругой Екатериной Алексеевной, как только взойдёт на престол. Её место была готова занять фаворитка Петра – Елизавета Воронцова.

Императрица долго присматривалась к великой княгине. Да, умна, начитана, свое нравна, хоть и голштинка (14), но русский язык выучила быстро, приняла православную веру. Девочка – себе на уме, целеустремлённая и расчётливая. Интересно, каким бестужевским «инструкциям» она следует?.. Хотя, наследника Екатерина, всё-таки, Петру подарила. Павла. И пусть, при дворе судачат, что Пётр Фёдорович – не его настоящий отец... Ребёнка императрица сразу забрала к себе, разрешив матери видеться с ним лишь изредка и по её, государыни, разрешению.

С рождением сына отношения между молодыми супругами окончательно разладились. Каждый из них жил своей жизнью и ненавидел свою «вторую половину».

Царское Село стало любимым местом проживания императрицы. Строительство Нового Зимнего дворца ещё не закончилось, старый же был деревянным, а Елизавета опасалась пожара. Поэтому дочь Петра частенько выезжала в Царское Село, привозя с собой шумную толпу придворных дам и кавалеров. Они расселялись по комнатам, в каждой из которых помещалось до пяти дам, не считая горничных. Жизнь в этом «обществе» была ключом: сплетни, склоки, ссоры случались ежедневно. Карточная игра и... больше ничего. Даже уезжать в город и принимать гостей придворным не разрешалось. Сама Елизавета Петровна жила, уединившись в своих покоях, неделями не появляясь на публике. Здесь, на первом этаже она сидела, задумчиво глядя на сад, в котором запрещено было находиться всякому, иногда развлекая придворных обедами или ужинами. Последние, кстати, могли проходить глубокой ночью. Разбуженные придворные, зевая, садились за стол, но, помня о некоторых запретных для бесед темах, не знали, чем занять императрицу, поэтому зачастую молчали и этим невольно обижали её.

Елизавета Петровна любила театр. Она с удовольствием смотрела пьесы, особенно, трагедии Сумарокова с русскими актёрами. Иногда не только игра актёров, но и внешний вид их вызывал у неё определённый интерес. Так повезло оказаться в фаворитах у импера-

трицы Никите Бекетову. Впрочем, распущенности в отношениях с мужчинами дочь Петра себе не позволяла.

В царствование Елизаветы Петровны у каждого на слуху была фамилия «Шувалов». Братья Шуваловы сыграли заметную роль в истории Российской империи.

Александр и Пётр Шуваловы были родными братьями. Иван Иванович приходился им кузеном.

Про Александра мы уже вкратце рассказали. Он являлся главой Тайной Канцелярии. Ещё старик Ушаков присмотрел его в качестве своего преемника. Он сводил Александра Ивановича в свой небольшой домик, размещавшийся в Петропавловской крепости, где и ознакомил с основными методами дознания. Преемник молча постоял под дыбой, посмотрел на раскалённую печь, на инструменты заплечных дел мастеров: щипцы, клещи, плети, на залитый кровью топчан и... принял дела. Грозная слава Тайной Канцелярии продолжала распространяться по России, но никто не знал, что в этой страшной «Службе» было занято всего одиннадцать человек.

Кроме работы в Тайной Канцелярии, по совету канцлера Бестужева, на Александра Шувалова «свалилась» другая, на сей раз, деликатная обязанность. Он должен был присматривать за «молодым двором» – великими князем и княгиней. С той поры Екатерина начала испытывать к Шувалову только страх и отвращение, а Пётр Фёдорович – искреннюю симпатию. Возможно, именно это и сыграло роковую роль в последующих, описываемых нами, событиях.

Пётр Шувалов, за годы пребывания у власти, а он достиг званий: генерал-фельдмаршал, конференц-министр, камергер, сенатор, отметился кипучей реформаторской деятельностью. Некоторые его реформы, несомненно, можно поставить в заслугу Петру Ивановичу, другие же – нанесли, скорее, вред и ввели казну в убытки. Но, уничтожение внутренних таможенных пошлин, учреждение первых российских банков, реорганизация российской артиллерии по проекту Военной академии – всё это связано с его именем.

Иван Иванович Шувалов ничем выдающимся не отличался. Он не был ни государственным деятелем, ни полководцем, ни коммерсантом. Но его «заслуги» в определённой мере пришлись по душе императрице. Он был её фаворитом с 1749 года вплоть до последнего дня её жизни.

Елизавета Петровна оставалась дочерью русского царя и православной женщиной. Она отмечала церковные праздники, от души веселилась в святочные дни, широко гуляла на Масленицу. Как русский человек она была милосердна. Предпочтения государыни сказывались и на повседневной еде. Гречневая каша, щи с говядиной всегда украшали её стол. Но, кроме этого, она одевалась по европейской моде, любила французские платья и украшения. Поэтому прибытие мэтра Боку она встретила благосклонно и даже с радостью. Тот, заняв одинокий флигель в Царскосельском дворце, распаковал свой багаж и вскоре дал знать приближённым Елизаветы Петровны, что он готов показать имеющийся у него *large assortment* (15).

Примерно около часу дня 3 ноября 1760 года императрица наведлась в его, как она назвала, «новую модную лавку». Её сопровождал великий канцлер Воронцов, Иван Шувалов и две фрейлины. Француз, издали заметив важную процессию, галантно раскланялся и отворил им двери, приглашая войти.

– Рад видеть ваше величество в добром здравии! Надеюсь, мои товары заинтересуют ту, пред именем которой любой европеец сразу снимет шляпу. – Видимо, мэтр Боку знал, что Елизавета не выносит разговоров о Фридрихе, а ему хотелось сказать в его адрес нечто язвительное. – Что желаете, Ваше Величество? Могу предложить самые лучшие *produits* (16) из Европы!

– Сначала покажите мне ваши ткани, мэтр Боку, – произнесла дочь Петра, оглядывая аккуратно разложенные товары. – Я вижу, у вас и французский, и английский текстиль... Хочу взглянуть на расцветку.

– Вот, пожалуйста, – француз проворно раскинул первый рулон. – Есть ткани для костюма повседневного, парадного, а также, карнавального. Вот, перед вами лионский шёлк. Самые известные образцы из этого материала находятся на панелях в летней комнате Марии Антуанетты и в спальне Марии-Луизы в Версале. А это, – он прикоснулся к другому рулону, – английский ситец, здесь – другие хлопковые ткани... В прошлом году во Франции на них разрешили набивать рисунок. Наши художники постарались, и парижские модницы – в восторге! – А это – шинц! Взгляните, какой рисунок! Прошу вас, выбирайте!

– Вам пойдёт, ваше величество, – шепнул на ухо императрице Шувалов. – Как раз под цвет ваших великолепных глаз...

Елизавета с удовольствием осмотрела предложенные ткани, полюбовалась их расцветкой, пощупала предложенный товар, проверяя на «приятность для тела и рук». Она пока ничего не выбрала, но уже задумалась. К слову, государыня никогда не торопилась с принятием решения, касалось ли это покупок модных товаров или государственных задач.

Потом её вниманием были удостоены расставленные на полке пузырьки из тёмного стекла.

– Это, – старался изо всех сил мэтр Боку, – самый популярный парфюмерный товар! Я имею в виду *Eau de Cologne* (17), «Кёльнскую воду», изобретённую Жаном-Мари Фарина. А в этих фарфоровых баночках, изготовленных известной Севрской мануфактурой, – французская косметика.

Граф Воронцов, наморщив лоб, смотрел на кружевные перчатки, склянки с духами и ароматической водой, пудрой и помадой для волос парика. Охи и ахи придворных фрейлин его только раздражали. Он уже прикидывал, насколько уменьшится государственный бюджет за сегодняшний поход.

– А что поделать, – как бы отвечала на его сомнения императрица. – Без косметики сейчас никуда. Не правда ли, граф?

– Да-да, – кивнул головой Шувалов. – Особенно для красавицы-императрицы...

– А здесь – достал небольшую склянку француз, – жемчужный порошок, косметика для королей!

Он объяснил, что для его получения настоящие жемчужины растворяют в лимонном соке (иногда – в уксусе), а полученный раствор высушивают до образования белого порошка. Его отбеливающий эффект вроде бы незначителен, но, благодаря перламутру, он способствует выравниванию тона кожи. При этом морщинки на лице становятся незаметны.

Государыня усмехнулась. Шувалов присмотрелся к торговцу. Его немолодое лицо «маскировал» толстый слой косметики, губы напояжены, на щеке прилеплена мушка. Парик тоже был натёрт каким-то масляным составом, а пахло от мэтра Боку довольно приятной ароматической водой. «Кафтан из английского сукна», – подметил высокий чиновник. «Всё по французской моде», – пришёл к заключению он.

Наконец, Елизавета Петровна обратила внимание на ювелирные товары.

– Эта новинка называется «Большой букет», – произнёс мэтр Боку, подавая императрице драгоценное изделие. – Он выполнен из золота и серебра, с добавлением бразильских бриллиантов и колумбийских изумрудов.

– Прелестно, – восхитилась государыня. – До чего же мило!

В ажурную оправу бутона был вставлен редкий нежно-фиолетовый кристалл чистой воды.

– Это единственный цветной бриллиант «Большого букета», – пояснил мэтр Боку. – Другие камни только кажутся разноцветными. Под прозрачные бриллианты мастер подложил раскрашенную фольгу, оттого камни и кажутся многоцветными.

Елизавета Петровна обратила внимание на то, что «Большой букет» выглядит как настоящий. Цветы и листья были прикреплены к стеблям подвижно, мастер посадил их на пружинки. Государыня слегка тряхнула драгоценный «Букет». Головки цветков закачались.

– Они кажутся живыми! – воскликнула дочь Петра.

– А вот, перед вами диадема и пара серёг, – предложил следующий товар француз, как только государыня налюбовалась «Букетом». – Здесь тоже пришлось придать цвета бриллиантам при помощи фольги разных оттенков.

– Чудесно, – воскликнула императрица.

– Особую прелесть изделию, – продолжал ювелир, – придают пчёлки, которые, как может показаться, были привлечены запахом цветов и присели собрать *nectar* (18). Тельца насекомых сделаны из грушевидных бриллиантов, а крылышки изготовлены из более мелких камней.

– Какая прелесть! – не сдержалась одна из фрейлин.

– Очень мило, – согласилась императрица.

– А вот ещё одна новинка, ваше величество! – поторопился француз. – Уверен, что она вас не оставит *indifférent* (19)! – И продемонстрировал государыне эгрет с длинной шпилькой-булавкой, которой он должен крепиться к высокой причёске.

– Этот гарнитур, ваше величество, был изготовлен знаменитым французским мастером Франсуа Голле. Основное украшение эгрета – бриллианты и крупные сапфиры.

– Ну-ка, ну-ка, – Шувалов подошёл ближе, рассматривая любопытное изделие.

Оно казалось асимметричным. С одной стороны его украшали страусовые перья, которые помещались в трубочку. Сюда же можно было вставить цветок или даже букет. Сам же эгрет был выполнен в виде струй фонтана, где крупные сапфиры играли роль капель воды. Далее, продолжая «водяной каскад» сияли капли-сапфиры серёжек. Создавалось впечатление, что они упали сверху, скатились с эгрета и повисли на уровне щёк и мочек ушей.

– Поистине чудесная вещь, – с восхищением произнесла императрица.

– Удивительная красота, – подтвердил Шувалов.

– А вот ещё, – суетился мэтр Боку. – Прошу взглянуть на украшение женского корсета. Оно также может крепиться на пояс платья. Изделие называется «Букет нарциссов». Стебельки цветков изготовлены из золота и покрыты зелёной эмалью. Сами цветы сделаны из прозрачных бриллиантов. Цветки к стеблям прикреплены тончайшими пружинками. Вот, смотрите, – он очень легко дунул на цветы и они зашевелились.

Фрейлины захлопали в ладоши.

– Воистину, вы – добрый волшебник, мэтр, – произнесла довольная Елизавета. А это у вас что за диковинка?

– Это, ваше величество, миниатюрная «шляпка». Она изготовлена из золота, серебра, эмали, рубинов и изумрудов. Это такой головной убор для кукол. Например, для тех, которыми пользуются белошвейки, прежде чем начинать шить платье для знатной дамы.

Они провели в модной лавке почти два часа, осмотрели весь товар предприимчивого француза и остались довольны,

– Вы можете сделать себе подарок, в виде украшения, – добавил тот в самом конце экскурсии, – а можете приобрести амулет...

Мэтр Боку был растерян. Императрица направилась к выходу, не сделав ни одной покупки.

– Вы даже не поинтересовались ценой, ваше величество, – едва не плача, произнёс он.

Но государыня осталась верна самой себе. Она не спешила делать покупки.

– Мне можно начинать торговлю, ваше величество? – спросил он, видя, что императрица собирается уходить. Граф Воронцов услужливо открыл двери.

– Ах, как студёно! – воскликнула императрица, закутываясь в мягкую душегрею из соболей. – Наверное, будет снег!.. Не спешите, мэтр. Я ещё подумаю. Сегодня вечером к вам придёт мой человек. Он обязательно купит у вас кое-что...

Глава 4. Отец и сын

В ясный морозный день, накануне Крещенских праздников, 16 января 1761 года в Кёнигсберге появился Александр Васильевич Суворов, подполковник русской армии. В Королевский замок он ворвался, словно в гущу битвы – быстрый, решительный, уверенный в себе, всё подмечающий человек. На нём прекрасно сидел кафтан, сшитый из качественной шерстяной ткани и снабженный боковыми карманами. Поверх кафтана была накинута синяя войлочная епанча с воротником, пристёгнутым к пелерине. На голове – чёрная шляпа-треуголка, обшитая золотым галуном, на ногах – ботфорты. Шею прикрывал золотистый шёлковый шарф. Левой рукой он придерживал шпагу.

В начале войны, будучи переведённым в действующую армию, Александр Васильевич исполнял обязанности коменданта Мемеля, а с 1759 был назначен офицером главной квартиры русской действующей армии (20). Своё боевое крещение Суворов получил в июле 1759 года, когда с эскадром драгун атаковал и обратил в бегство немецких кавалеристов. Позже Александр Васильевич был назначен дежурным офицером при командире дивизии Ферморе. В этой должности он принял участие в знаменитом сражении под Кунерсдорфом. В прошлом году Александр Васильевич, будучи дежурным офицером при главнокомандующем русской армией генерал-аншефе Ферморе, принял участие во взятии Берлина русскими войсками. В нынешнем, 1761 году подполковник Суворов готовился вступить в должность командира сводных отрядов (драгунских, гусарских, казачьих), целью которых было прикрывать русские войска, и бесконечными нападениями терзать прусские тылы.

А сейчас он находился в отпуске и прибыл в Кёнигсберг, чтобы повидать своего отца, генерал-губернатора Пруссии, и поправить здоровье после ранения.

Василий Иванович с радостью принял сына. Он организовал для него прекрасную баню, угостил сытным ужином и сейчас, пригласив в свой кабинет, с интересом расспрашивал о делах в действующей армии.

Сам генерал-губернатор был одет довольно скромно. На нём ладно сидел двубортный форменный сюртук без регалий, на котором вместо пуговиц сверкали аграфы.

– Когда же, сын мой, по твоему разумению, закончится война?

– Трудно сказать, батюшка, – почтительно ответил Александр. – Всё решают политики, а не военные. А политика – тухлое яйцо! Война могла бы закончиться ещё в прошлом году, если бы после Кунерсдорфа мы сразу пошли на Берлин... Фридрих уже отдал приказ: «Всё потеряно, бегите, спасайте двор и архивы!» (21) Да только австрияки с французами задумали загребать жар чужими руками. Только загребающий жар чужими руками после свои пережжёт! В какой-то мере, можно понять фельдмаршала... Но я бы поступил иначе!

– Да, сын, – задумчиво произнёс Суворов-старший. – Генерал Берг (22) доволен тобой и прочит тебе большое будущее.

– Увы, карьер мой пока не скачет во весь опор, – улыбнулся подполковник, – но впереди меня ждёт множество других баталий и звание полковника – не за горами! Эта война немалому научила меня.

– Да уж, век живи – век учись...

– Я тут, батюшка, задумал разработать собственную систему подготовки и обучения войск, а также – организации тыловых подразделений. Я изучил русского солдата, понял тонкости его... внутреннего мира, его возможности и способности. И убеждён: с таким солдатом нам не страшен никакой враг! Там, батюшка, где пройдет олень, там пройдет и русский солдат. Там, где не пройдет олень, все равно пройдет русский солдат!

Захар принёс самовар, и отец с сыном некоторое время пили чай («твой любимый, Сашенька, чёрный. Из Москвы привезли!»), беседуя о родных. Они помянули добром Авдо-

тью Федосеевну, жену Василия Ивановича и мать Александра Васильевича, поговорили о сёстрах подполковника, Анне и Марии.

– Ты сам-то, сынок, не собираешься ли жениться? – с улыбкой посмотрел на Александра отец.

Тот неопределённо пожал плечами:

– Брак – это, как правило, утрата части себя...

– Так же и обратное, – покачал головой отец, – обретая независимость, мы обязательно кого-то теряем. Иного не дано... Смотри, а то я тебе сам подберу невесту! Есть у меня на примете кое-кто... – но, видя, что этим заявлением поставил сына в неловкую ситуацию, мягко добавил: – А то я старею... А так хотелось бы увидеть тебя бок о бок с красавицей женой и детками на руках...

Сгущались сумерки. За окном пошёл снег. Уличные фонари красиво подсвечивали крупные и пушистые хлопья, мягко лежащие на дороге и тротуары. Внизу залаяли собаки.

– Совсем, как у нас в Москве, – вздохнул Василий Иванович, украдкой любуясь сыном. Тот возмужал, хоть и оставался худощавым и малорослым.

...Единственного сына он назвал в честь Александра Невского. В детстве наследник рос слабеньким и часто болел, поэтому отец пророчил ему гражданскую службу. Однако, с малых лет Александр проявил тягу к военному делу и, пользуясь богатейшей отцовской библиотекой, самостоятельно изучал артиллерию, фортификацию и военную историю. Решив стать офицером, сын стал закаляться и заниматься физическими упражнениями.

Большое влияние на судьбу Сашу оказал и генерал Абрам Ганнибал – друг семьи Суворовых (23). Заметив, что во время игры в солдатики Александр неплохо разбирается в тактических сложностях манёвра, Ганнибал повлиял на Василия Ивановича, дабы тот избрал для сына военную карьеру. Так в 1742 году он и был зачислен мушкетёром в Семёновский лейб-гвардии полк (чтобы начать положенную законом выслугу лет для офицерского чина), в котором и начал действительную военную службу в 1748 году, постепенно повышаясь в звании. Он продолжал своё обучение, изучил семь иностранных языков, вёл полубивачную жизнь: спал на сене, даже в холода носил лёгкую одежду, не ходил, а бегал, не ездил, а скакал, постоянно обнаруживая самую кипучую деятельность. И всё, чего достиг сын, было благодаря его железному характеру и личной храбрости...

Да, теперь его взгляд стал совсем другим, взором бывалого и мудрого человека. Александр как избрал с раннего детства путь воина, так и следовал по нему, не петляя и не останавливаясь. Путь опасный, но достойный русского дворянина.

– Скажи-ка, сын, слыхивал ли ты что-нибудь про масонов? – наконец, задал отец самый главный вопрос.

– Масоны? – Александр отхлебнул из блюдца чаю. – Как не слыхивал? Членами этой сатанинской организации становятся не только простые наши офицеры, но и высокие российские сановники! Князья!

– Почему, Саша, ты считаешь, что они – сатанисты?

– А кто же ещё, батюшка? По моему разумению, коль они отвергают Православие, то самые сатанисты и есть!

– Однако, они проповедуют свободу, равенство, братство, справедливость, просвещение...

– Но отвергают Христа, батюшка. А Его не заменишь ни братством, ни равенством, тем более, что всё это – пустые слова. Какие у них цели? Зачем они прячутся под покровом тайн? Наверняка, замышляют что-то худое, батюшка. Ежели ты чист пред Богом, то зачем скрываться по таинственным ложам и конспирироваться, словно шпионы? Нет, я масонам не доверяю! – отрезал Александр.

– Взгляни-ка на это письмо, сынок, – Василий Иванович достал из шкатулки лист бумаги и протянул его сыну. – Его прислал мне Александр Иванович... Шувалов.

– Шувалов? «Единороги» его братца нам отменно помогли в сражениях с Фридрихом... Но с главой Тайной Канцелярии я не хотел бы иметь дел..., – он начал читать. Со временем его лицо стало принимать озабоченный вид: брови насупились, возле переносицы возникла глубокая морщинка. Дочитав до конца, он в сердцах бросил лист на стол. – Я подозревал, что у масонов могут появиться и более мерзкие, богопротивные мысли! Но, нанести удар по нашей императрице!..

Александр Васильевич искренне уважал Елизавету Петровну. В самом начале его службы произошел один примечательный случай. Однажды в Петергофе он стоял на часах у Монплезира. Императрица проходила мимо, и Суворов отдал ей честь. Государыня обратила на юношу внимание и спросила, как его зовут. А узнав, что он сын Василия Ивановича, который был ей хорошо известен, она вынула серебряный рубль и хотела его дать молодому Суворову. Тот отказался взять, объяснив, что караульный устав запрещает это сделать. «Молодец, – сказала государыня, – знаешь службу», – потрепала его по щеке и пожаловала поцеловать свою руку. «Я положу рубль здесь, на землю, – прибавила она: – как сменишься, так возьми». Крестовик этот Суворов хранил всю свою жизнь...

– Пока это только планы врагов нашего Отечества, сын мой. Но им нужно помешать...

– Позвольте, отец, мне проникнуть в их логово!

Глаза Василия Ивановича заблестели.

– Я и сам хотел тебе предложить это... Лучшего лазутчика в стан масонов и не найти... Ведь ты сам прекрасно понимаешь, что без хорошей разведки боевые действия вести нельзя...

– А как же! Разведка – глаза и уши полководца!

– Но это слишком опасно. Здесь тебе не поле боя, где у тебя ружьё, конь и верные друзья... Тут могут вонзить кинжал в спину или набросить на шею удавку в тёмной подворотне. В Кёнигсберге полно шпионов Фридриха, Саша. Эта земля ещё не стала нашей, хотя на шпиле Королевского замка и развевается российский флаг... Неподготовленным в это осиное гнездо лезть нельзя, сын мой. Заметь: они должны принять тебя за своего! Например, за члена такой же ложи...

– Придётся сказать, что я – масон. Член петербургской ложи... например, «Три звезды»! Каково, батюшка?

– Назваться можно кем угодно, сын. Но, для того, чтобы тебя приняли за своего, нужно иметь сведения об... устройстве этих лож, об их ритуалах, традициях, обычаях, словом, множество мелочей, которые обязан знать настоящий масон. Однако, у меня есть книга, где многие из этих секретов раскрываются. Вот, взгляни, – отец полез в ящик стола и вытащил из него фолиант «Улыбка Люцифера».

Прочитав название, Александр Суворов поморщился.

– И тут бесовское имя...

– Тем не менее, эту книгу нужно изучить... Запомни, Саша: тебе надлежит проникнуть к масонам и выведать имя тайного посланца от короля Фридриха. Того, кто собирается ехать в Санкт-Петербург и быть поближе к нашей государыне. Уверен, что он не станет чураться офицерских компаний и светских встреч, что он – любитель карточных игр, театра а, возможно, и сам – поэт... А для того, чтобы правдоподобно сыграть свою роль, он может прикинуться и набожным, и даже святым...

– Я найду его, отец!

– Но для этого – читай книгу. Вот видишь, – перелистнул несколько страниц книги Василий Иванович, – у масонов существует свой особый ритуал приветствия... А здесь – степени их посвящения...

– Да, это надо будет запомнить...

– Сказывают, что масонство привёз из Европы ещё Пётр... Так это или нет, про то нам не ведомо. Зато известно о капитане Джоне Филиппе, который основал ложу в России в 1731 году.

...Василий Иванович рассказал сыну об этой ложе, которая принимала в свои ряды только иностранцев, живших в России. По долгу своей службы прокурором, ему доводилось сталкиваться как с настоящими масонами, так и людьми, симпатизирующими им. Прошли годы и вот, в России появились подобного рода общества, заманивающие новомодным аристократическим развлечением уже отечественное дворянство. Европейские масоны позволяли своим русским «братьям» так называемые «работы» в ложах только на первых трёх ступенях посвящения: «Ученик», «Товарищ» и «Мастер». Работами в ложах называлась деятельность по самосовершенствованию, по постижению масонских истин, а также по воспитанию в себе нового, по представлениям масонов, человека, и распространению масонских идеалов.

– Сколько же сейчас масонских лож в России? – потёр лоб Александр.

– По моим данным, – ответил отец, – не менее десяти... Вообще, масонство создано семитами. И цель его, как я понимаю, отвлечение людей от Христова учения и изменение мира в угоду всемирному еврейству...

– Поясните, батюшка...

– Наливай ещё чаю, Сашенька. Так вот... Евреи уверены в своём грядущем господстве над миром. Но они сознают, что для осуществления этого господства им надо разъединить людей, как одну великую семью последователей Христа. Поэтому они стараются внести безверие в среду христиан, разрушить великую связь людей с Богом, которая делает народы сильными. Чем больше неверия, смут, беспорядков, смятений, тем сильнее хиреют христианские государства и тем значительнее укрепляется мировое еврейство. Кстати, Саша, сам Фридрих, того не ведая, льёт воду на их мельницу!

Но во всякой стране, в каждой ложе имеются свои интересы, более мелкие. И решаются вопросы местного значения. В настоящий момент, интересующие нас братства собираются убить нашу государыню, но сделать это тихо и бесшумно, не оставляя никаких следов... Словно, они тут вовсе ни при чём... Дело в том, сын мой, что масоны отрицают свою причастность к разного рода колдунам и чернокнижникам. Но, в этой книге, – он постучал пальцем по матовой обложке «Улыбки Люцифера», – сказано совсем другое... Все известные колдуны... и другие персоны, чья деятельность вызывала известную долю подозрений, были масонами. Я и сам испытал на себе воздействие потусторонних сил, вызванных ими, пока кёнигсбергский профессор медицины, доктор Майбах, не избавил меня от этого кошмара...

– Господь уберёт вас, батюшка.

– И тебя, Саша, уберёжет, если ты хорошенько подготовишься. Сколько времени тебе понадобится, чтобы изучить ритуалы и обычаи масонов? – Василий Иванович кивнул на книгу.

– Мне бы побольше свечей, – вздохнув, ответил Александр. – За ночь, я думаю, управлюсь. И уже завтра можно будет нанести визит... Как, говорите, называется эта бесовская ложа?

– «Три короны». Имеются в виду короны Пруссии, Польши и России.

– Вот и отменно!

– Это бывшая «Андреевская ложа», которая состояла большей частью из русских офицеров.

– Это скверно...

– «Три короны» подчиняется королевской ложе «Три глобуса», главой которой является Фридрих II.

– А это уж совсем дурно, – вздохнул Александр.

– Да, сын. У нас есть свидетельства, что фельдмаршал Апраксин повернул войска от Кёнигсберга после победы под Гросс-Егерсдорфом оттого, что послушался совета господина Ливена, который был масоном и тайным агентом Фридриха. Ливен якобы убеждал Апраксина, что «на один день два праздника не бывает». Достаточно и победы под Гросс-Егерсдорфом! А Кёнигсберг ещё дождётся своего часа.

– Похоже, вся европейская политика «варится» в тайных масонских ложах...

– Да, Саша. Поэтому и на вкус она – полное дерьмо!

Они немного помолчали, наслаждаясь чаепитием. Захар бесшумно подошёл, поставил на стол блюдо с пирогами. За окном совсем стемнело.

– Я, Саша, уже ознакомился с этой книгой и постиг следующее: тебе нужно разбираться в символах масонов. Вся их деятельность отмечена символами, которые имеют определённый смысл и, считается, что они скрывают истину в самой её природе. Например, на вопрос: «Где центр мироздания?» – будет ответ: «Здесь». Под «здесь» подразумевается сознание живого существа, ибо у него, у сознания, есть свой центр и свой горизонт, очерчивающий окружность. А теперь представь: центр и окружность – это два конца циркуля! Центр – неподвижная точка, а линия окружности – подвижная. Они скрыты двумя рейками наугольника, которые представляют собой ум и материю. Ты должен знать, что наугольник, скрытый в двух концах циркуля, есть первый, изначальный символ всякого масона, вступающего в жизнь в качестве Ученика.

– Где-то я встречал уже и циркуль, и наугольник, начертанные на бумаге, – произнёс Александр Васильевич. – Но не мог догадаться, что это – первый символ масонства...

– Кроме этого, глядя, как восходит Солнце, путешествует по небу и заходит за горизонт, а вместо него появляется Луна, масоны придумали, что это – путь развития души. Они представили круг, состоящий из верхней, золотой половины, которая олицетворяет Солнце, и нижней, серебряной. Серебро – это Луна. Солнце восходит на востоке, значит, человек, ищущий истину и стремящийся на восток, идёт к свету. Верхняя половина круга – это просветление. Нижняя связана не с мышлением, а, скорее, с «чутьём», с тем, что заложено в человека самим Создателем и хранится где-то в потайных уголках его сознания.

– Значит, батюшка, – догадался Суворов-младший, – путь человека с запада на восток – это символ его учения, получения знаний, посредством которых он совершенствует своё познание, а путь с востока на запад – его нисхождение к скрытым тайникам его разума?

– Примерно так, Саша. Всё это описано в сей масонской книге. Символы ты должен понимать, а основные ритуалы тебе нужно знать, чтобы не опростоволоситься в ложе перед важными персонами...

Профессор медицины Пауль Майбах возвращался домой. С острова Кнайпхоф, где располагалось здание университета, на Альтштадт он перешёл по старинному Лавочному мосту. Хотя кое-где по льду Прегеля уже были протоптаны дорожки, доктор не хотел рисковать – лёд на реке обманчив. Это резвящейся малышне всё нипочём – гоняют по льду, кричат, смеются... Те, кто постарше – при делах: кто занимается ремеслом, кто учится, кто торгует.

На альтштадской ратуше зазвонил колокол. Начало темнеть. С закрывающегося рынка навстречу доктору прошла группа студентов. Молодые люди учтиво поприветствовали профессора. Майбах тут же припомнил спор, возникший часом ранее между несколькими дотошными буршами и его молодым коллегой Анджеем Орловским. Причину спора он не расслышал, кажется, речь шла о способах остановки кровотечения, если рана – на шее, но те методы, о которых объявил преподаватель, вызвали бурный отклик у студентов. Обсуж-

дение переместилось из аудитории в коридор. Профессор хотел было вмешаться и помочь коллеге, но тот блестяще справился сам.

Мимо прошли крестьянки, под войлочными плащами которых были видны стамедные сарафаны, в руках женщины держали корзинки с продуктами. За ними проследовали молодые люди в бекешах с меховыми воротниками. Один из них, уворачиваясь от проезжавших саней, едва не сбил профессора с ног, но тут же извинился и бросился догонять своих товарищей. Вот из старинного кабачка «Усы сома» вышли подвыпившие моряки в голландских бострогах (24), за ними – русский монах в чёрном мятле (25).

– Как вам нынешняя погода? – поприветствовал Майбаха его слуга Петер Вурст, принимая из рук профессора плащ и камзол. – Сейчас я подам вам стаканчик глинтвейна, господин профессор.

Учёный доктор жил один. Супруга его умерла лет десять назад, старшая дочь вышла замуж и уехала в Польшу, а сын служил полевым хирургом в войсках Фридриха II.

– Приходил ли кто-нибудь ко мне, Петер?

– А как же! Прибыл посланник от его сиятельства генерала Суворова. Он передал вам небольшой подарок от губернатора – корзину с великолепной ветчиной!

– Прекрасно. Нарезь немного тоненькими ломтиками и отнеси в мой кабинет.

– Собираетесь работать, господин профессор? – Лицо слуги оставалось в тени, откуда лишь поблескивали белки глаз.

– Нет, я только хочу просмотреть план диссертации Орловского и немного почитать Джонатана Свифта.

В кабинете профессора были плотно задернуты шторы, на столе стоял канделябр с горящими свечами. На висевшем справа от окна гобелене был изображён всадник, пытающийся добить копьём спасающегося бегством раненого вепря. Майбах любил этот гобелен и считал его настоящим произведением искусства.

В углу кабинета напольные часы пробили восемь раз.

Тёплый глинтвейн, уютные огоньки свеч, тишина и прекрасные ломтики ветчины сделали своё дело, совершенно расслабленный и умиротворенный профессор задремал...

Разбудил доктора Майбаха посторонний звук. Он открыл глаза и с изумлением обнаружил, что... вилка, находящаяся на столе, слегка постукивает о краешек тарелки, в которой недавно лежали ломтики ветчины. Вилка сама по себе стучала о тарелку!!! А нарисованная на её дне голова копчёного поросёнка вдруг открыла глаза и... состроила мерзкую гримасу! Сердце ёкнуло в груди доктора. «Спокойнее, – машинально подумал он, – не поддавайся... Это всего лишь мираж...»

Он поднял глаза и с ужасом увидел, что всадник на гобелене тоже ожил. Он нёсся прямо на профессора, волосы его развивались на ветру, глаза горели адским пламенем, а копьё нацелилось Майбаху прямо в грудь. Страх, дикий животный страх, который, казалось, невозможно пережить, охватил профессора!

Глава 5. Циркуль и наугольник

Поздним вечером 17 января 1761 года в двери роскошного особняка, расположенного в северной части Королевского пруда, настойчиво постучали.

– Что вам угодно, сударь? – спросил привратник, приоткрыв дверь.

– Я провёл много лет в пути, двигаясь с запада на восток, к солнечному свету, – туманно объяснил путник. – Надеюсь, что я попал к своим братьям, вместе с которыми мы достигнем тех вершин, с коих светлый лик Великого Архитектора будет наиболее близок и ясен...

– Проходите, сударь, – широкоплечий привратник отстранился от дверного проёма, впуская позднего гостя. – И подождите немного. Сейчас господин Вейлис спустится к вам.

Вошедший снял шляпу и стряхнул на пол налипший на неё снег.

– Благодарю вас, – ответил он. – Смею ли я надеяться, что судьба доставила меня в известную всей Европе ложу «Три короны»? – И огляделся.

Обычная прихожая, стол с креслами, справа – дверь, в которой, похоже, оборудовано караульное помещение... На стене, при неярком освещении можно было разглядеть висящие портреты неизвестных персон и чёткое изображение циркуля и наугольника по самому центру.

Привратник пожал плечами и сделал три шага назад.

– Кто там, Густав? – послышался голос сверху и торопливые шаги.

Наконец, в сопровождении слуги, несущего подсвечник с горящими свечами, появился и сам господин Вейлис. Был он большого роста и крепкого телосложения. По сравнению с невысоким гостем, сошедший с лестницы человек выглядел настоящим голиафом. Высокий лоб, сверху на который ниспадала зачесанная набок непокорная седая прядь, мохнатые брови, из-за которых почти не было видно глаз, крупный нос... Не утруждаясь разглядыванием позднего визитёра, важный господин протянул ему свою огромную руку:

– Приветствую тебя, брат...

Тот пожал её по всем правилам масонства, коснувшись соответствующих точек на кисти господина Вейлиса. Он надавил пальцем на третий казанок, показывая тем самым, что сам является Мастером.

– Приветствую тебя, брат!

– О, я вижу, что ты не Ученик, и даже не Подмастерье, – улыбнулся господин Вейлис. – Назови же своё имя и причину появления в нашей скромной ложе.

– Я – подполковник русской армии Александр Суворов, – чётко ответил вновь прибывший. – Мой отец является генерал-губернатором Кёнигсберга и всех завоёванных Россией прусских земель. – Я давно разделяю взгляды вольных каменщиков и не один год являюсь членом петербургской ложи «Три звезды». Я только что прибыл из Санкт-Петербурга и напрямую явился к вам на штаб-квартиру, ибо теперь буду служить в Кёнигсберге и желаю быть своим среди братьев ложи «Три короны»!

– Прекрасно, – произнёс господин Вейлис.

«Рыба заглотила наживку! – мысленно порадовался Суворов. – Сразу, слёту!»

Но он ошибся. Масон не решался распахнуть двери своей ложи даже перед офицером с таким именем, предварительно не проверив его.

– Достойное желание, брат мой. Приходи завтра в это же время. Мы соберём братьев и проведём собрание, на котором представим тебя и примем в нашу компанию. Я же не могу самостоятельно принимать важные для ложи решения, ибо... «обещал и клялся перед лицом Господа Всемогущего и этого достопочтенного собрания...» – тут он сделал паузу и многозначительно взглянул на Суворова.

– «...что буду всегда прятать и скрывать, – нисколько не изменившись в лице, продолжил тот, – и никогда не раскрою тайн и таинств масонства и масонов, которые будут доверены мне сейчас или в любое другое время в будущем...»

– «...кроме тех случаев, когда я говорю о них с верным и совершенным братом после соответствующего испытания или же в достопочтенной и совершенной ложе...»

– «...если меня должным образом примут её братья» (26).

– Прекрасно, брат мой! – воскликнул господин Вейлис. – Теперь я уверен, что могу доверять тебе. Приходи же сюда завтра в означенное время, и мы начнём...

И тут Суворов понял, что проверка вряд ли закончена. Этой же ночью масоны зашевелились, засуетятся, начнётся сбор нужных сведений... А что, если они узнают о том, что никакой ложи «Три звезды» в Санкт-Петербурге и в помине нет?..

День прошёл в раздумьях и чтении книги «Улыбка Люцифера». Александр Васильевич старался понять, чем привлекло масонство русское дворянство? Почему в масоны записываются офицеры и генералы, графы и князья? Чем, например, прельстило масонство блестящего вельможу князя Николая Репнина? (27) Может быть, Фридрих задумал победить русскую армию, если не на полях сражений, то с помощью тайных масонских лож? Но, если будет побеждена русская армия, что тогда станет с Россией?

За весь день он удосужился поест всего раз, перекусив ухой и расстегаями.

Когда Суворов вторично появился перед дверью особняка, являющегося штаб-квартирой масонской ложи «Три короны», было уже темно. На небе сияли россыпи звёзд. Возле дома горели масляные фонари, а испуганные кошки тарасились на подполковника из тёмных подворотен, по-дьявольски сверкая своими зелёными глазами.

Привратник Густав услужливо отворил перед русским офицером дверь, другой слуга уже ждал его с подсвечником в руках.

– Прошу вас, – шёпотом сказал он и повёл Суворова по коридору.

Было темно, несколько свечей в руках слуги не давали достаточного света, чтобы офицер смог рассмотреть что-нибудь досконально, впрочем, этого и не требовалось. Вскоре они оказались перед массивной дверью.

– Вам – сюда, – с поклоном произнёс слуга и посторонился.

Александр Васильевич толкнул дверь рукой и вошёл в такое же сумрачное помещение. Первое, что бросилось ему в глаза – тускло горящие свечи, расположенные треугольником, стоящие на столе в инкрустированном неразличимыми эмблемами подсвечнике. На большом блюде находились бутылки с напитками, возможно, вином или пуншем, рядом располагались бокалы и тарелки с закусками. За столом восседал человек, видимо, Мастер. На голове его была надета шляпа, тень от которой закрывала лицо. Но Александр Васильевич понял, что роль Мастера играет не господин Вейлис, а кто-то другой. Перед главой ложи лежала раскрытая Библия. На книгу положили циркуль, концы которого были накрыты наугольником. Напротив Мастера находилось ещё два человека, как догадался Суворов, – Старший и Младший Надзиратели, которые имеют своих помощников, Старшего и Младшего Диаконов, при которых состоят Стюарды. Александр Васильевич уже знал, что стол и стул главы ложи располагается к востоку от неё, а Надзиратели рассаживаются на западе и на юге. По обе стороны от Мастера стояли, по меньшей мере, два десятка человек. Это были члены ложи – «братья». На каждом из них был надет белый кожаный передник – запон. Расположиться «братья» должны были по старшинству – в зависимости от степени посвящения.

– Все в сборе, – раздался голос одного из ассистентов Мастера, Секретаря. Другим ассистентом был Казначей, он же – Хранитель сокровищ. Но, в полутёмном помещении разглядеть обоих, среди обилия народа, было невозможно. Впрочем, он тут же определил их, увидев, как они, вместе с Мастером, надевают на шею голубые ленты треугольной формы.

Суворов заметил, что у Мастера на ленте висят циркуль и линейка, а у ассистентов – лишь один циркуль.

Наконец, все расселись в надлежащем порядке. Настала пора приступить к открытию ложи. Всё происходило по старинному ритуалу, о котором Суворов узнал из книги «Улыбка Люцифера»:

– Какова первая обязанность масона? – задал вопрос Мастер. Согласно протоколу, этот вопрос должен быть адресован Младшему Диакону.

– Смотреть, чтобы ложа была покрыта (28), – ответил тот.

– Исполните свою должность, – тут же отдал приказ Мастер, искоса наблюдая за подполковником русской армии.

Младший Диакон ударил три раза в дверь, с другой стороны ему ответили также тремя ударами. Это была работа «покрывающего», одного из «братьев». Диакон доложил Мастеру:

– Достопочтенный, ложа покрыта.

«Как тут всё чётко организовано, – подумал Суворов. – Вот бы наши отряды во время боя действовали так же слаженно!»

– Скажи, – продолжал церемонию Мастер, – где место Младшего Диакона в ложе?

– Позади Старшего Надзирателя или по правую руку от него, если он позволит, – ответил «брат».

– В чем состоит твоя обязанность?

– Передавать поручения от Старшего Надзирателя Младшему, чтобы они могли быть сообщены ложе.

Всё это происходило в полутёмной обстановке, под покровом таинственности и торжественности. «Да, – думал Суворов, – изнеженным, не обременённым никакими обязанностями, никакой ответственностью князькам такая комедия пришлась бы по душе...»

Затем Мастер начал задавать те же вопросы и Старшему Диакону. Тот ответил, что его место позади Мастера или по правую руку от него, добавив при этом: «если он позволит». Когда Мастер задал вопрос об обязанностях Младшего Надзирателя, то за него, по соображениям масонской этики, ответил сначала Старший Диакон, ранг которого ниже Младшего Надзирателя, а потом уже сам Младший Надзиратель. Все это делалось, как понял Александр Васильевич, для того, чтобы в конце ритуального опроса, когда заходит речь об обязанностях Мастера, за самого Мастера мог отвечать его подчинённый – Старший Надзиратель. «Всё это смахивает на военную субординацию, – подумал Суворов. – А как же иначе?.. Всё, как в армии: у командира должен быть заместитель, который мог бы в случае чего исполнять его обязанности...»

– Где место Младшего Надзирателя в ложе? – спросил Мастер. Голос его был глухой, хриплый, казалось, что глава ложи простужен.

– На юге, – отвечал Младший Надзиратель, – судя по голосу (лица Суворов не мог разглядеть достаточно точно), это был совсем ещё молодой человек.

– Почему на юге?

– Чтобы было удобней наблюдать за солнцем, – не замедлил с ответом Младший Надзиратель. – И не пропустить момент, когда оно стоит прямо на полудне. Это время для того, чтобы звать людей от работы к отдыху и следить, приходят ли они в должное время... Для того, чтобы Мастер получал от этого удовольствие и прибыль.

Глава ложи, хоть и слышал это множество раз, казалось, был весьма удовлетворён таким ответом.

– Где место Старшего Надзирателя в ложе?

– На западе, – ответил Младший.

– Какова твоя обязанность, брат? – обратился Мастер к Старшему Надзирателю.

– Как солнце заходит на западе, – ответил тот, – чтобы окончить световой день, так и Старший Надзиратель стоит на западе, чтобы вовремя закрыть ложу, уплатить людям их заработок и отпустить с работы.

– Где место Мастера в ложе?

– На востоке, – ответил Старший Надзиратель.

– В чём состоит его обязанность?

– Как солнце восходит на востоке, чтобы открыть день, так и Мастер стоит на востоке, чтобы открыть ложу и поставить людей на работу.

Наконец, Мастер снял шляпу и торжественно произнёс:

– Эта ложа открыта во имя святого Иоанна. – Он оглядел всех присутствующих в зале тяжёлым, как показалось Суворову, взглядом. – Отныне я запрещаю всякую брань, клятвы или шёпот! А также все профанирующие разговоры какого бы то ни было рода под страхом того наказания, которое сочтёт нужным наложить большинство.

В зале наступила тишина.

– Я хочу представить вам нашего брата из Санкт-Петербурга, состоящего в ложе «Три звезды», который возжелал присоединиться к нам и стать членом нашего братства... Это подполковник русской армии Александр Васильевич Суворов, сын генерал-губернатора Восточной Пруссии Василия Суворова. Кто из братьев знает его? Кто хочет высказаться? Кто имеет протест по поводу вступления в нашу ложу Александра Суворова?

Как и надеялись отец и сын Суворовы, масоны ложи «Три короны» встретили Александра на удивление радушно, и позже, не досаждая петербургскому гостю вопросами, провели тайный ритуал. В результате, ложа «Три короны» пополнилась новым членом. Подполковника русской армии сразу же возвели в пятую степень посвящения. Ему присвоили почётное звание «шотландский мастер».

Когда были проведены все запланированные работы, Мастер закрыл ложу по всем правилам ритуала. Затем братья хором запели:

Нет Ничего Невозможного!
Нет Ничего Невозможного!
Нет Ничего Невозможного!
Так проповедовал Всевышний!
Таково его слово!

Бывает, что лист тонет, а камень плывёт,
Бывает, что огнём поливают сады,
И собирают дивный урожай,
Бывает, что вода горит ярким пламенем —
Случается всё, что захочет Всевышний!

Чтобы ни случилось,
Что бы ни произошло —
Беда, горе, радость —
Такова воля Всевышнего!
Вознеси же хвалу Ему!
За все благодари Всевышнего...

Когда же исполнялся последний куплет, «братья» собрались вокруг стола, взяли за руки, создавая масонскую цепь: человек, стоящий справа, взял правой рукой левую руку

соседа, тот – левую руку следующего, и так далее. Они пели, одновременно поднимая и опуская руки и стуча в такт ногами:

За все благодарю Всевышнего...
За все благодарю Всевышнего...
За все благодарю Всевышнего...

После этого Мастер распорядился: всем отдыхать. С этого момента ложа уже считалась закрытой.

Слуги добавили свечей, и сразу стало светлей. Гости словно сбросили с себя маски. Несколько человек подошло к Суворову, и протянули ему свои руки в приветствие:

– Капитан Штейлинг...

– Барон фон Тротт...

– Полковник Половинкин...

«О, – подумал Суворов, и сюда уже наши затесались!»

– Граф Валевски...

– Выпейте с нами, господин Суворов!..

– Позвольте, господин Суворов, – обратился к офицеру невысокий пожилой человек, – подскажите, пожалуйста, каково ваше звание?

«Секретарь, что ли?» – подумал Александр Васильевич и ответил:

– Oberstleutnant (29)

– Благодарю вас...

А тот, видимо, плохо расслышав, записал: «Oberleutnant (30)». Не знал, масонская морда, что в русской армии нет ни младших лейтенантов, ни лейтенантов, ни старших...

– Так, батюшка, и стал твой сын масоном пятой степени посвящения. «Шотландский мастер»! – смеялся Александр Васильевич. Но вдруг посуровел: – Вся эта клоунада, отец, имеет глубокий смысл. Первые камни в «здание масонства» закладывались ещё века назад... Уже тогда всё было продумано до мелочей...

– Захар, подай-ка нам чаю! – спокойным и даже ласковым голосом распорядился Василий Иванович.

Денщик Захар, стоя за его спиной, поскрёб пальцем глубоко в носу. Ему вспомнился рассказ губернатора о том, что тот являлся крестником самого Петра Великого и, когда Василию Ивановичу исполнилось пятнадцать лет, то царь взял его к себе денщиком и переводчиком. А «денщик» Петра I, по сути, являлся его адъютантом и порученцем – очень важная должность, почти как у него теперь...

– Извольте, Василий Иванович... Да вы давеча уже почти весь самовар выпили!

– Ничего... Неси! Да, Саша, повезло тебе, я не чаял, что тебе удастся так быстро проникнуть в логово масонов и так блестяще справиться со своей задачей.

– Только больше я туда – ни ногой!

Василий Иванович улыбнулся и кивнул головой.

– Так удалось ли тебе, Саша, выяснить что-нибудь по делу о предстоящем покушении на императрицу?

Александр Васильевич взглянул в светлые глаза отца.

– Вы знаете, батюшка, у меня сложилось впечатление, что масоны с радостью приняли меня в свою ложу именно оттого, что вы – мой отец. Поэтому, после окончания церемонии, ко мне подошло много человек, чтобы выразить свою признательность! Мне было к кому присмотреться!.. От сего... представления, веяло какой-то фальшью, какой-то иноземщиной, русского в сём не было ничего! Кроме некоторых членов ложи, наших офице-

ров... Прошу, отец, свяжитесь с командованием армии... Пусть разберутся, возможно ли офицерам-масонам пребывание в оной... В первую очередь, это полковник Половинкин. Вот он – мой первый подозреваемый.

Василий Иванович записал фамилию на листе бумаги.

– Сей человек ради карьеры пойдёт на всё, – продолжал Александр Васильевич. – Насколько мне известно, пороху он не нюхал, в сражениях не участвовал. Ошивался преимущественно при штабе. Зато имеет орден св. Анны второй степени! Молодой, всего тридцати лет, важный, словно князь, но готов и унизиться, лишь бы извлечь из сего пользу. Одновременно раним и обидчив, как ребенок... Вместе с ним – поручики Шуевич и Смольский... Оба – артиллеристы. Ну, это – мальчишки. Сунулись в масоны из любопытства. Я думаю, одумаются и покинут ложу, не их сие дело... А полковник – тот ещё фрукт! К тому же, во время разговоров он избегал смотреть мне в глаза... Я сказал, что на днях еду в Санкт-Петербург. Он тут же выразил желание составить мне компанию. Ему, видите ли, тоже надо в столицу!

– Это важно, Саша, – промолвил Василий Иванович, подставляя чашку под краник самовара. – Кроме него, я разумею, есть ещё подозреваемые?

– Есть, батюшка. Один весьма непростой немец.

– Кто же это?

– Отставной капитан прусской армии Зигфрид Хельке, раненный под Цорндорфом (31), калека с повреждённой ногой. Сильно хромает при ходьбе, но крепкий прусский солдат! Расчётлив, себялюбив и эгоистичен. Чрезвычайно силён. В том, что он – шпион Фридриха, у меня нет никаких сомнений! И он тоже собирается в Санкт-Петербург...

– Пожалуй, – подумав, ответил Василий Иванович, – сей масон больше подходит на роль погубителя императрицы... И это всё?

– Нет, батюшка. Есть ещё некто Леон Дибирье. Француз...

– Пусть это тебя не удивляет, Саша. Здесь целое поселение французов. В Росгартене много их домов. Так что это за фигура такая? Тоже тайный агент Фридриха?

– Нет, я бы не сказал, – пожал плечами Александр Васильевич. – Но те двое, вполне предсказуемы: один – предатель, другой – вражеский солдат. И никто из них не вяжется с тем предназначением, о котором вы говорили мне давеча. Я имею в виду магию и колдовство...

– Но они могут быть косвенно связаны с магом...

– Вот-вот. А Дибирье таков и есть!

– Француз – маг?

– Я не успел выяснить, кто он на самом деле. Но... что-то в этом роде. Он помешан на способах губительного воздействия на людей с помощью заговоров, «дьявольских стрел», позволяющих убить человека без непосредственного контакта с ним, и других сатанинских вещах. Он так и сказал мне: «Господин Суворов, если у вас имеется недруг, от которого вы желаете избавиться, только назовите мне его имя...»

– Он тоже собирается в столицу? – встрепенулся Василий Иванович.

– Да. Боюсь, что это – самый опасный из всей троицы, которую я выделил. Остальные масоны моего интереса не возбудили. Всыпать бы им плетей да разогнать по домам...

– Это было бы весьма полезно... Значит, ты считаешь, что среди сих троих есть тот человек, который собирается принять непосредственное участие в... убийстве нашей государыни?

– Да, думаю, так.

– Но, кто конкретно, мы сего так и не ведаем...

– Конечно, он же не признается публично, что собирается поехать в Санкт-Петербург, чтобы убить государыню.

– А нам, Саша, следует это выведать, – Василий Иванович отломил кусочек калача и макнул его в чай. – Ан, врешь, Старый Фриц! Мы твоего тайного агента всё равно выведем на чистую воду!... Что ж, тогда придётся за всеми тремя учредить слежку. Узнать, кто с кем встречается, о чём говорит... Но это – дело сыскное... А людей у нас, особенно, толковых, для этого дела слишком мало...

– Можно подобрать верных офицеров, батюшка! Многие здесь, в Кёнигсберге откровенно бездельничают, так и до греха недалеко. Пусть послужат Отечеству и... на сей стезе!

– Ты прав, Саша. Пусть послужат. Пожалуй, нужно подключить наших «учёных мужей», в том числе из тех, кто посещает университет... Того же Болотова...

Глава 6. Охота началась

Капитан Зигфрид Хельке, бывший прусский артиллерист, служивший в конной артиллерии, сопровождающей действия кавалерии, под командованием генерала Зейдлица (32), героически проявил себя при сражении под Цорндорфом. Он не отходил от своего орудия и, истекая кровью, делал прицельные выстрелы по русским войскам даже тогда, когда его ногу изуродовало картечью. После битвы Фридрих Великий приблизил к себе покалеченного воина и, дав ему особое поручение, отпустил на родину в Кёнигсберг. Дома тот вступил в масонскую ложу, открыл лавку по продаже рыболовных и лодочных принадлежностей, жил тихо и мирно, как и большинство горожан. Он исправно платил налоги, был немногословен, временами хмур и не всегда приветлив с окружающими. Иногда к нему заходили люди, с которыми он уединялся, запирали лавку и решал какие-то свои, возможно, коммерческие вопросы.

Следуя рекомендациям врачей и преодолевая боль, отставной капитан всё-таки приучил себя к ежедневным прогулкам по городу. Ногу нужно было постоянно разминать. Поэтому Хельке, сильно прихрамывая, ходил без палки, которую иной раз приятно было бы подержать в руке или опереться на неё.

Сегодня, во время очередной прогулки, отставной капитан почувствовал за собой слежку. И это немало удивило его. От своего дома в Трагхайме он дошёл до альтштадтского рынка, где купил кусок мороженой свинины, кружок копчёной колбасы и соли, потом зашёл в аптеку, что возле городской ратуши, где приобрёл мазь для больной ноги, и решил заглянуть в кабачок «Усы сома», чтобы отведать кружку местного пива. Но, странное ощущение, что за ним кто-то неотступно следует, не давало покоя. Он замедлил шаг, достал трубку, потянулся за кисетом.

«Холодная нынче зима выдалась, – подумал Хельке, набивая табак в трубку. – Много мастерских закрыто, непривычно тихо вокруг». Он прислушался. Приглушённый стук конских копыт, звон сбруи...

– Попался, гадёныш!

Карманный воришка, мальчишка, лет двенадцати, попытался что-то вытянуть сумки Хельке, но был пойман за руку. Так вот, кто следил за ним!.. Эти малолетние карманники заранее выбирают жертву, долго выслеживают и пытаются освободить её от собственных вещей где-нибудь в глухом месте, или же наоборот, действуют в толпе, в которой потом легче скрыться. Маленький оборванец с чумазым лицом попытался вырваться, но отставной капитан лишь усилил хватку. Наконец, под огромной пятернёй Хельке что-то хрустнуло, и карманный воришка взвыл от боли.

– Ступай прочь, – бросил бывший артиллерист незадачливому вору. – Если же встречу тебя снова, оторву голову! – Оглянулся – где-то поблизости возможно, прячутся его дружки... Никого. – Пошёл вон!

Всхлипывая и поскуливая, мальчишка зажал сломанную руку, и побрёл обратно, в сторону рынка. Проводив его недобрый взглядом, отставной капитан похромал дальше, в сторону Кёнигштрассе. Он не заметил, как следом за ним бесшумно двинулась фигура человека в тёмном зимнем платье.

– Немецкое самоуправление с приходом русской администрации в своих правах ничего не потеряло, – объяснял Василий Суворов сыну. Они сидели в тёплом кабинете губернатора в Королевском замке. – Все городские службы работают, как и до нашего прихода. Русская же монета, чеканящаяся здесь, не в пример фридриховской, очень ходовая в Пруссии. Рекрутчину мы заменили налогом, причём, не самым высоким... Достроили восточное

крыло Королевского замка... Мы даже не всех прусских орлов убрали с фасадов зданий, – усмехнулся он. – На Сиротском доме в районе Закхайм до сих пор такой висит. Да и пусть... Штайндаммская кирха сейчас используется нами как православный храм... А с 1639 года в Кёнигсберге действует полиция. Посему я обратился к бургомистру и начальнику полиции с просьбой выделить нам для обеспечения безопасности горожан... некоторых сведущих людей. Кёнигсберг же сейчас – как перевалочная база, снабжающая продовольствием наши войска, действующие в Померании и Бранденбурге. Вокруг – множество складов. Я только намекнул начальнику полиции о том, что шпионы Фридриха собираются поджечь зернохранилища, а вместе с ними и весь город, ты же знаешь, как прусский король был возмущён присягой населения Кёнигсберга на верность нашей императрице, так он тут же обещал поставить в наше распоряжение нескольких цепных псов... Я имею в виду не собак, а полицейских чиновников. Среди них имеются весьма опытные люди, со своей агентурой. Так что, наши ставки должны увеличиться.

– А я, батюшка, заинтересовался ремеслом француза Дибирье. Так и сказал ему, что мне мешают несколько человек...

– Ты был у него дома?

– Да, теперь я знаю, где он живёт, и к нему можно будет приставить людей... Но местным полицейским я не доверяю. У меня, батюшка, есть первоклассные сыскари! Из казаков-пластунов, с которыми я побывал в Берлине. Это такие люди, что выведывают всё, что угодно, а их самих даже не заметишь. Позволь мне привлечь своих знакомцев-пластунов к нашему делу!

– Твои пластуны хороши в чистом поле, – подумав, ответил Суворов-старший. – Или в лесу, на крайний случай – в горах. Здесь, в городе, боюсь, они не смогут проявить свои необыкновенные способности... Полицейские же на вполне законных основаниях имеют право учинить обыск в доме любого горожанина, который подозревается в преступлении. Например, у того же Дибирье! А твои казаки пусть следят за нашими «подопечными», выведывают их связи... Кто с кем встречается, какие ведут разговоры, где проживают... Кстати, что тебе ответил француз?

– Он сказал, что поможет мне расправиться со всеми...

– Ваше высокопревосходительство, – обратился к Василию Ивановичу адъютант. – К вам – офицеры, которых вы вызывали.

– Зови!

В кабинет генерал-губернатора вошли три пехотных офицера.

– Поручики Болотов и Непейцын, капитан Тригуб, – представил Василий Иванович вошедших офицеров сыну. – А перед вами – подполковник Суворов Александр Васильевич.

Молодые люди с интересом взглянули на сына генерал-губернатора. Как позже писал Болотов: «О сем удивительном человеке носилась уже и тогда молва, что он был странного и особенного характера и по многим отношениям сущий чудак». Подполковник поднялся и пожал руки офицерам. Взгляд у него был ироничен, в глазах смеялись чёртики.

– Это и есть, батюшка, ваши молодцы, коим можно доверить столь щекотливое дело?

– Они и есть. Да вы присаживайтесь, господа. У меня к вам настолько важное и секретное дело, что о нём лучше всего говорить в тихой и спокойной обстановке, за чашкой чая... Захар! Неси самовар!

25 января 1761 года выдалось воскресным солнечным и блестящим днём. Мороза совсем не ощущалось. Напротив, с обласканных светом и теплом черепичных крыш, весело сверкая, срывались крупные капли, падая в грязный утопанный снег. Кое-где даже появились небольшие лужицы талой воды. «Пора уже подумать о новых сапогах...» – грустно размышлял капитан Василий Тригуб, поскольку почувствовал, что его правый чулок сде-

лался влажным... Рядом, весело переговариваясь, шагали два его товарища – Андрей Болотов и Сергей Непейцын.

Два дня назад они получили довольно неожиданное задание от генерал-губернатора Пруссии Василия Суворова. Сыск – дело полицейского, а не военного чина. Но, когда смертельная опасность угрожает самой государыне, тут уж не до служебных тонкостей. Сам подполковник Суворов, рискуя репутацией, проник в масонскую ложу для того, чтобы выведать человека, способного совершить такое страшное злодеяние. Обо всём этом генерал-губернатор строжайшим образом приказал молчать, не говорить никому, не писать в мемуарах и не рассказывать даже перед смертью.

Сегодня они играли роль бесшабашных, отдыхающих офицеров, прогуливающих по интересным городским местам, коих в Кёнигсберге в это время находилось немало. На самом деле они отслеживали одного из тех, от кого опасность могла грозить их императрице. Они шли за французом по имени Леон Дибирье, невысоким, полным человеком средних лет. Тот, одетый в серую бекешу и шляпу, шествовал из Альтштадта в сторону Лёбенихте мимо Королевского замка, который величественно наблюдал за снующими под его стенами людьми, пряча добродушную усмешку под остроконечными крышами башен.

В руках загадочного француза был чёрный кожаный саквояж. Вероятно, масон намеревался с кем-то встретиться. Дибирье не торопился. В подвале одного из домов был устроен небольшой кабачок, на пороге которого сидел подвыпивший матрос, пытающийся набить трубку табаком, но постоянно просыпавший оный мимо трубочной чашки. Из погребка аппетитно пахло жареным мясом, и доносились грустные звуки скрипки. Торговцы и ремесленники препровождали здесь своё время в пустяковых разговорах, курении табака и распитии пива. Приятели почувствовали голод и подумали, что было бы неплохо, если б Дибирье зашёл в кабачок перекусить... Так тот и поступил. Видимо, именно тут у него и была запланирована встреча... Друзья спустились вслед за французом и заняли свободный столик, откуда продолжали вести наблюдение.

– Господа, приветствую вас! – широко улыбаясь, драгунский капитан Уфимцев шагнул к вновь прибывшим гостям. Было заметно, что он в этом кабачке – завсегдатай и находится здесь уже довольно давно.

– Если хотите хорошо и вкусно покушать, рекомендую клопсы (33)! – капитан подсел к офицерам. – А если вы не против хорошей выпивки, то кроме шнапса вам ничего здесь не нальют.

– Пожалуй, с него мы и начнём, – согласился с ним Тригуб. – У меня прохудился сапог, боюсь, без шнапса могу и простудиться.

– Конечно, Василий Егорыч! А твои друзья не будут возражать?

– Нисколько, господин капитан... – ответил Непейцын.

– Бросьте! Называйте меня по имени-отчеству... Трифон Петрович, к вашим услугам...

– Андрей Тимофеевич, – представился Болотов.

– Сергей Иванович, – учтиво поклонился Непейцын. – Что же, шнапс – это немецкая водка?

– Аннушка, – позвал Уфимцев девушку, прислуживающую в кабачке. – Нам шнапсу и клопсов!.. – И, обращаясь уже к Непейцыну: – Да, дорогой Сергей Иваныч, это ихняя водка. Не так, чтоб очень, но... старайтесь не злоупотреблять!..

Пока расторопная служанка собирала на стол, подвыпивший кавалерист рассказал о том, что шнапс производимый в Германии с начала XVI века, является весьма распространённым и популярным напитком. Слово «шнапс», как пояснил офицерам драгун, произошло от старонорвежского «sparpen», что означает «глотать, пить залпом».

– Разновидностей шнапса множество, причём, у каждого хозяина кабачка имеется собственный рецепт, – объяснил Трифон Петрович. – Обычно его делают из картофеля, свекловицы, пшеничного солода и ячменя. Я, господа, рекомендую шнапс, настоящий на травах, он слегка горчит. А фруктовый чересчур сладок...

– Господа русские офицеры будут запивать шнапс пивом? – спросила Анна, выставив на стол заказ. – В Германии мужчины обычно так и делают, беря в расчёт: большая кружка пива на рюмку или глоток шнапса. «Если на столе находится сельдь, то без него никак не обойтись», – так говорится у нас, – она вызывающе улыбнулась и сверкнула глазами. – Если господам офицерам угодно, то сельдь сейчас же будет подана!

Дибирье, как заметили офицеры, тоже заказал «немецкую водку» и утку.

– Какой шнапс предпочитаете? – спросила Анна. – У нас, в Кёнигсберге, он имеет разные названия.

– Например? – улыбнувшись, спросил Болотов.

– Например, «Pregelgestank» (34). Такое название «навеяно»... характерной прегельской вонью, которую вызывают западные шторма и нагонные ветры в Кёнигсберге. А если хотите, могу предложить вам «Кровавую язву». Это – излюбленный шнапс наших грузчиков. Он смешивался из яичного коньяка и вишнёвого ликёра. Ещё его называют «Складская крыса»...

– А более благозвучных названий у вас нет?

– Есть. Вот шнапс «Подозрительный слон». Но он подаётся с яичницей-глазуньей. Так какой предпочитаете?

– Подавай тот, что меньше воняет, – приказал драгун и погладил служанку пониже спины.

К посетителям кабачка, коих насчитывалось десятка полтора, прибавился ещё один. Это был человек с длинными нечёсанными волосами, в чёрной шляпе, в бостроге и ботфортах, что выдавало в нём моряка. Он подсел к Дибирье и между ними сразу завязался оживлённый разговор. Новый посетитель заказал себе пива и жареных колбасок.

– Говорят по-французски... Беседуют о скорой поездке в Санкт-Петербург, – шепнул Непейцын на ухо Болотову. Тот кивнул головой.

Двое бедно одетых подростков играли в кабачке на скрипичах, развлекаая посетителей. Они чередовали грустные и весёлые мелодии. Народу постепенно прибывало.

Вскоре Дибирье заказал себе кофе и марципан в форме сердечка, а его сосед закурил трубку и попросил серый горох с салом.

– А мне нравится Кёнигсберг, – уверенно заявил Уфимцев. – Жители этого города живут в достатке, нищих и попрошаек попросту нет... Но и излишеств себе не позволяют, а такого я прежде не замечал нигде. Это не Польша – здесь роскошь и мотовство не в чести!

– Вы правы, Трифон Петрович, – заметил Болотов. – Здесь даже знатные люди ведут жизнь размеренную и несколько уединённую. Вы заметили, что они предпочитают ходить пешком, а карет и богатых экипажей на дорогах чрезвычайно мало?

– Зато у нас в Москве всякий купчишка, дабы показать свою важность, закатит такой галоп, что только держись!

Тригуб слегка толкнул локтём Непейцына. Тот повернул голову и увидел, как Дибирье раскрыл саквояж и вытащил из него какой-то свёрток, который тут же передал соседу-моряку. Тот поднялся, спрятал полученное от француза под бострог и направился к выходу.

– Я – за ним, – шепнул своим спутникам Тригуб.

– Будь осторожен, Василий.

Едва за соседом Дибирье и последовавшим за ним капитаном закрылась дверь, засобирался и сам француз.

– Трифон Петрович, – обратился к кавалеристу Болотов, – нам пора! Мы прекрасно провели время. Приятно было познакомиться!

– Уходите? Так скоро?... Ну, а я ещё посижу. Аннушка, пива мне!

Дибирье не спешил домой. Он чинно шествовал по улицам города, никуда не торопясь. Два офицера следовали за ним, не забывая посматривать по сторонам. Время близилось к полудню...

Нельзя было не заметить, что дома в Кёнигсберге, даже в лучших частях города, были довольно узкие и казались очень тесными. Большинство зданий не достигали и пяти саженей в ширину. При этом окна выходили только на одну сторону, да и то – всего по два-три окошка, а боковые стены обычно оставались глухими. Но этот недостаток компенсировался высотой строений и большим количеством этажей. Дворы были не у всех зданий, и предназначались они, в основном, для хранения дров. Наружные двери домов обычно были разделены надвое, поперёк. Верхняя половина днём могла быть распахнута для освещения, а нижняя часть двери чаще всего оставалась закрытой, препятствуя входу посторонних.

Дибирье неспешно продолжал путь. Было заметно, что прогулка доставляет ему удовольствие. Дороги были вымощены булыжником, снег и лёд с них был сметён. На чистые улицы вышло немало народу, радуясь хорошей погоде в этот воскресный день.

А вот, словно трёхпалубный корабль, выплыл непотребный дом, в котором посетители за деньги могли получить любую девицу из имеющегося состава. Уж не туда ли направил стопы загадочный француз? Работы у девиц лёгкого поведения сегодня было мало, они смотрели в окна и, громко смеясь, зазывали в свои покои всех прохожих. Данное публичное заведение мало интересовало офицеров, поскольку на памяти было немало случаев, когда их сотоварищи пострадали от дурных болезней. Другое дело – нарядные благородные барышни, степенно разгуливающие между торговых лавок, с интересом и некоторым смущением поглядывающие на молодых людей в военной форме. Правда, большинство из них шествовало в сопровождении строгих мамаш или служанок, но были и исключения... Для обольщения молоденьких девушек у приятелей всегда были наготове дежурные комплименты, забавные рассказы и шутки, а также целый арсенал иных мужских хитростей...

С одной улицы, на которой торговали картинками художников, книгами и даже газетами, и что более всего удивило – диковинными камерами-обскура (35) и мелкоскопами, для разглядывания разных букашек, офицеры узеньким кривым проулком, спугнув стаю голубей, прошли на другую, заполненную лавочками с разными съестными припасами: колбасами, сырами и булками. Следуя по ней, приятели оказались на площади перед ратушей, заполненной многочисленными торговцами и покупателями.

В этот час здесь же на дощатом помосте нелепо одетые и ярко раскрашенные комедианты давали своё представление. Они всячески кривлялись и выкрикивали в толпу свои глупые и грубые шутки. Но, несмотря на то, что они несли полный вздор, городская чернь наблюдала за ними с открытыми ртами. Тут же прохаживались продавцы каких-то сомнительных лекарств и шныряли подозрительные мальчишки, очень похожие на карманных воришек. Для тех и других такое скопление народа обеспечивало хороший заработок...

Но тут грянули трубы, и на площадь вышла торжественная, но весьма странная процессия. Зрелище было воистину впечатляющим: впереди шагали человек десять в чёрных шляпах с начищенными до блеска медными трубами, за которыми бежали и что-то кричали восторженные ребяташки. За ними важно следовали знаменосцы, и, наконец, около сотни мастеров и подмастерий вынесли на всеобщее обозрение огромную колбасу, длиной никак не менее пятисот локтей! (36). Процессия двигалась прямо к расставленным на площади столам. Видимо, здесь должно было вскоре разыграться настоящее пиршество.

Народу всё прибывало. Шум, смех, шутки...

– Смотри! – негромко произнёс Непейцын и дёрнул Болотова за рукав.

– Вижу, – ответил тот. – Боже, какая встреча...

Неподалёку от церкви святого Николая французский чернокнижник встретился не с кем-нибудь, а с самим полковником Половинкиным! Оба офицера прекрасно знали этого штабиста. Они часто встречали его в высоких кабинетах, особенно здесь, в Кёнигсберге, однако на поле боя не видели ни разу.

Полковник с французом о чём-то потолковали минут пять, причём, было видно, что разговор их довольно серьёзен. Затем Дибирье вынул из саквояжа другой свёрток и передал его Половинкину. Тот, не разворачивая, сразу сунул его под епанчу. На том они и расстались.

– Я за полковником, – сказал было Непейцын, но вовремя остановился. За Половинкиным пошёл сам подполковник Суворов. Он едва заметно кивнул друзьям и взглядом указал следовать дальше за Дибирье.

Капитан Тригуб, сопровождая, как он назвал незнакомца в бостроге, «шкипера», оказался на острове Кнайпхоф. Преследуемый шёл неторопливо, но уверенно. Его походка, слегка косолапая, подтверждала догадку офицера о том, что перед ним – моряк. Выйдя на самую красивую улицу Кнайпхофа, Мильонную, «шкипер» зашёл в богатый особняк. Василий внимательно осмотрел его. Никаких приметных табличек над дверью не висело. Только дощечка с изображённым циркулем и наугольником. Дом был трёхэтажный с высокой черепичной крышей и остроконечным флюгером. Крыльцо дома, как заметил капитан, было изготовлено из дерева, обмазано кипящей смолой и посыпано железной окалиной, которая застыв, напоминала изделие из чугуна. Таких крылечек, как заметил Тригуб, в Кёнигсберге было множество, они выглядели добротно и практически не гнили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.